

Хелен Гуда
Агния Сказка

The illustration depicts a young man and woman in a romantic pose. The woman, on the left, has long brown hair and is wearing a teal button-down shirt and skirt. The man, on the right, has blonde hair and is wearing a light blue shirt. They are standing in a dark, gothic-style interior with stone walls and arches. A full moon is visible through a window in the background. A faint, glowing purple symbol is visible on the right wall. In the lower right, there is a small, ornate heart-shaped pendant with a figure inside. The title is written in large, stylized white letters at the bottom.

Мой мчокнутый сводный дракон

Хелен Гуда

Мой чокнутый сводный дракон

«Литнет»

2026

Гуда Х.

Мой чокнутый сводный дракон / Х. Гуда — «Литнет», 2026

— Ты чокнутый! — выдыхаю я.— А ты — проблема, которую я не просил,
— его голос — низкий рык у самого виска.Мы ненавидели друг друга с
первой секунды. Я — та, кто ворвалась в его жизнь из другого мира, в его
дом, в его душ. Он — тот, кто встретил меня голым в ванной и пообещал
вышвырнуть в окно. Теперь мы сводные, и это значит...В тексте вас ждет:
Самоуверенный наглый дракон ♥#Невинная героиня Горячие сцены и
невероятное притяжение Тайны прошлого, но ХЭКнига участвует в авторском
литмобе "Мой Сводный Монстр"

© Гуда Х., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	10
Глава 3.	22
Глава 4.	32
Глава 5.	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Глава 1.

Точнее — не я, а моя глупость. Я стою в ванной комнате особняка лорда де'Варго, в этом дурацком пеньюаре, который мама купила мне накануне, и пялюсь на обнаженную спину парня.

Вода стекает по его лопаткам, по рельефным мышцам, по татуировке на левом плече — черный дракон, расправивший крылья. Я замираю. Мой мозг кричит: *отвернись, дура*, но глаза приклеились к этой картине, как бабочка к паутине.

Шум воды стихает.

Он поворачивается.

Я вижу его лицо — острое, злое, красивое до невозможности. Мокрые черные волосы прилипли ко лбу, глаза цвета расплавленного серебра сужаются, когда он замечает меня.

Я взвизгиваю.

— О боже! — я отшатываюсь назад, спотыкаюсь о порожек. — Простите! Я не... я думала... здесь никого нет!

Мои щеки пылают огнем. Я пячусь к двери, дергаю ручку.

Дверь не открывается.

Замок заело. Конечно. Потому что сегодня недостаточно унижительного произошло, давайте еще, как говорится. Я дергаю сильнее — бесполезно.

— Отлично, — шепчу я. — Просто отлично.

Сзади раздаются шаги по мокрому кафелю. Я замираю. Мое сердце колотится где-то в горле.

Он подходит ко мне вплотную. Я чувствую его запах — влажную кожу, сандал и что-то металлическое. Мой взгляд падает вниз, на его руки. Медленно, очень медленно он наматывает полотенце на бедра. Я смотрю в пол, но уголком глаза все равно вижу, как ткань ложится на талию, на мышцы пресса...

Господи, за что?

— Нравится? — его голос низкий, с хрипотцой. — Или ты хочешь, чтобы я снял его обратно?

Я вскидываю голову, собираясь огрызнуться, но слова застревают в горле. Он стоит так близко, что между нами едва ли ладонь. Он опирается рукой о дверь прямо над моим ухом. Я в ловушке. Я прижата к дереву двери, а надо мной нависает мокрый, разъяренный незнакомец, которого я, кажется, только что увидела голым. Хотя почему, кажется? Не кажется.

Он смотрит на меня сверху вниз — с высоты своего роста, с высоты своего презрения.

— Слушай, — цедит он. — Я не знаю, кто тебя подослал. Ты — третья за неделю. Поклонницы, фанатки, шпионки отца — мне плевать. Но если ты еще раз сунешься в мою комнату, я тебя вышвырну в окно. Поняла?

Я зажмуриваюсь. Я думаю, что сейчас он меня поцелует. Нет, не поцелует — ударит. Или... я не знаю. Сердце бешено бьется о ребра.

Но вместо этого я слышу щелчок.

Он открывает дверь. Одной рукой.

— Выметайся, — бросает он.

Я распахиваю глаза, хватаюсь за ручку и буквально вываливаюсь в коридор. Падаю на ковер, подсакиваю и бегу, не оглядываясь, вниз по лестнице, пока не врезаюсь в маму.

— Лия! — мама придерживает меня за плечи, и я чувствую, как ее пальцы впиваются в мой пеньюар. Она окидывает меня взглядом — растрепанные волосы, пылающие щеки, сбившееся дыхание. — Что случилось? Ты белая как полотно.

Я замираю. Язык прилипает к небу. Что я должна сказать? *Мама, я только что видела какого-то парня, наверно гостя свежее испеченного отчима, голым, застала его в душе, и он решил, что я его фанатка — без ума от него?*

Я качаю головой, пытаюсь придумать хоть что-то, но в голове пульсирует только его лицо. Мокрые черные волосы. Серебряные глаза. Полотенце на бедрах. *Господи, Лия, прекрати.*

— В ванной... — выдыхаю я. — В моей комнате. Там что-то с кранами. Я хотела найти другую, забрела не туда и... дверь заело. Я испугалась.

Я вру. Ужасно. Но мама, кажется, верит.

Она вздыхает и проводит рукой по моим волосам, заправляя прядь за ухо.

— Ах, дорогая. Лорд де'Варго хотел модернизировать дом, но не успел переделать ваннные комнаты в твоём крыле. Там всё ещё старая магическая проводка и замки с характером. Я попрошу его прислать мастера, — она делает паузу и окидывает меня выразительным взглядом. — А сейчас — переоденься. Прилично. Мы ждем гостя к завтраку.

— Гостя? — я хмурюсь, пытаюсь стряхнуть с себя образ мокрой спины. — Кого?

Мама улыбается — той улыбкой, которая обычно означает, что она что-то задумала, и я, скорее всего, не буду в восторге.

— Приехал сын лорда, Кайден. Он будет работать в академии, куда ты поступаешь. Ассистентом ректора по темной магии. Представляешь? Вы будете учиться в одном месте. Возможно, он даже сможет присматривать за тобой.

Мир останавливается.

Кайден.

Тот парень. С драконом на плече. С серебряными глазами. Который только что пообещал вышвырнуть меня в окно.

Он в академии. Он — старший ассистент. Он будет присматривать за мной.

Я делаю глубокий вдох и чувствую, как где-то в груди рождается нервный смешок. Я его подавляю.

— Прилично, — повторяю я механически. — Переодеться. К завтраку. Поняла.

Мама кивает и уходит, а я остаюсь стоять в коридоре, глядя на лестницу, ведущую вниз, в столовую.

Там будет он.

Кайден де'Варго.

Мой сводный брат.

Мой чокнутый сводный дракон, тьфу, в смысле брат.

Я спускаюсь в столовую ровно через пятнадцать минут. На мне темно-синее платье — скромное, с закрытыми плечами, которое мама купила мне с рук в местной лавке. Оно пахнет лавандой и старым деревом. Я чувствую себя переодетой куклой.

Мама сидит за длинным столом рядом с лордом де'Варго — высоким мужчиной с седой на висках и добрыми глазами. Он мне нравится. Он хотя бы улыбается.

А напротив них сидит он.

Кайден.

Он уже переоделся. Черная рубашка, темные брюки, волосы убраны назад. Он выглядит как идеальный портрет аристократа-дракона: холодный, надменный, смертельно красивый.

Когда я вхожу, он поднимает голову.

Его глаза скользят по мне — с ног до головы, оценивающе, будто я — экспонат на ярмарке. На его губах мелькает тень усмешки. Он явно узнал меня. Но его лицо остается невозмутимым.

— Лия, дорогая, — лорд де'Варго встает. — Познакомься, это мой сын, Кайден. Он будет учиться с тобой в академии. Вернее, работать. Но вы обязательно подружитесь.

Я выдавливаю улыбку.

— Очень приятно, — говорю я тоном, который, надеюсь, звучит вежливо, а не как скрежет зубов.

Кайден медленно поднимается. Он тоже кланяется — едва заметно, насмешливо.

— Взаимно, — его голос теперь звучит еще ниже, еще бархатистее. — Надеюсь, сестричка, ты не против, если я буду присматривать за тобой в академии. Там бывает... опасно.

Он делает акцент на «опасно». Я сглатываю.

— Я справлюсь, — отвечаю я, глядя прямо в его серебряные глаза. — Я не из тех, кто легко пугается.

Его усмешка становится шире.

— Посмотрим.

Лорд де'Варго смеется и хлопает сына по плечу.

— У вас будет время узнать друг друга. Кайден, покажи Лие академию сегодня. Мне нужно уладить дела в городе.

Кайден склоняет голову.

— Как скажешь, отец.

Он смотрит на меня, а у меня мороз по коже пробегает и скапливается где-то в районе копчика.

Завтрак тянется бесконечно.

Я сижу за столом как на иголках, пытаюсь не смотреть в сторону Кайдена, но это невозможно — он сидит прямо напротив меня, и каждый раз, когда я поднимаю глаза, я натываюсь на его взгляд. Серебряный, холодный, изучающий. Он ест с идеальными манерами — никакой спешки, никакой неловкости. Я же чувствую себя максимально неуклюже.

Я тянусь за чашкой чая и роняю вилку.

Звук падающего металла режет тишину. Замираю, чувствуя, как краска заливает щеки. *Отлично, Лия. Просто отлично.* Я наклоняюсь, чтобы поднять её, но Кайден оказывается быстрее.

Он ныряет под стол и поднимает вилку раньше меня. А затем — я чувствую это — его пальцы смыкаются на моей руке.

Не грубо. Не больно. Но достаточно, чтобы по моей коже пробежал электрический разряд. Я вскидываю голову и встречаюсь с ним взглядом. Он смотрит на меня из-под ресниц, и в его глазах — что-то тёмное, опасное. Он медленно отпускает мою руку, но перед тем, как убрать пальцы, проводит большим пальцем по моему запястью.

По моей коже пробегают мурашки. Целая армия мурашек. Я чувствую, как жар разливается по телу, начинаясь от места его прикосновения и заканчиваясь где-то глубоко в груди.

— Осторожнее, сестричка, — его голос звучит так, будто он смеётся надо мной. — Вилка — опасный предмет.

— Спасибо, — выдавливаю я и выдергиваю руку, как будто обожглась.

Мама бросает на меня странный взгляд, но ничего не говорит. Лорд де'Варго увлеченно рассказывает о планах по модернизации особняка. Я не слушаю. Я просто пытаюсь пережить этот завтрак.

Наконец трапеза заканчивается. Я вскакиваю из-за стола так быстро, что стул едва не опрокидывается.

— Я... мне нужно привести себя в порядок, — бормочу я и почти бегу вверх, в свою комнату.

Но моя комната не спасает меня. Чтоб принять душ, надо идти в ту самую ванну, в которой всего каких-то полчаса назад мылся Кайден.

Я стою перед дверью, сжимая ручку, и чувствую, как сердце колотится где-то в горле. *Не думай об этом. Не думай. Он просто принял душ. Люди принимают душ. Это нормально.*

Я открываю дверь.

И перед глазами всплывает картинка: мокрые волосы, вода, стекающая по лопаткам, татуировка дракона, и... *о боже*— я вижу его подтянутый, упругий зад, когда он поворачивается ко мне. Я зажмуриваюсь и трясую головой, пытаюсь стряхнуть это видение.

— Прекрати, — шипю я себе под нос. — Он — чокнутый. Он — твой враг. Он... у него отличная фигура, но это не важно!

Я быстро умываюсь, чищу зубы и завязываю волосы в хвост. Холодная вода помогает немного прийти в себя, но я все равно чувствую, как горят щеки, когда я спускаюсь вниз.

В холле меня ждет Кайдэн.

Он стоит, прислонившись к колонне, скрестив руки на груди. Черный плащ ниспадает до пола, сапоги блестят. Он выглядит так, будто сошел с обложки книги про темных лордов.

— Готова? — он поднимает бровь.

— Да, — я делаю глубокий вдох. — Но, знаешь, я могу добраться до академии сама. Правда. Я уже взрослая. Я найду дорогу.

Его взгляд становится тяжелым. Он медленно отклеивается от колонны и делает шаг ко мне.

— Ты едешь со мной, — его голос не терпит возражений. — Это не обсуждается.

— Но я...

— Лия, — он наклоняет голову, и в его глазах мелькает что-то опасное. — Ты в чужом мире. Ты понятия не имеешь, ни о порядках ни о правилах этого мира и кого ты можешь встретить по дороге в академию. И если с тобой что-то случится, мой отец снимет с меня шкуру. Так что садись в экипаж и не спорь.

Я раскрываю рот, чтобы возразить, но он уже разворачивается и идет к выходу, даже не оглядываясь.

— Идем, — бросает он через плечо. — Мы уже опаздываем.

Я сжимаю кулаки и иду за ним, мысленно проклиная его красивое лицо, его мерзкий характер и всю эту ситуацию.

Экипаж оказывается маленьким. Очень маленьким.

Когда мы забираемся внутрь, я оказываюсь прижатой к нему плечом к плечу. Я чувствую его запах — сандал, металл и что-то древесное. Я пытаюсь отодвинуться, но места нет.

Кайдэн смотрит прямо перед собой, но краем глаза я замечаю, как на его губах играет довольная усмешка.

— Уютно, — замечает он.

— Ужасно, — поправляю я.

— Одно другому не мешает.

Я закатываю глаза и отворачиваюсь к окну.

Экипаж мерно покачивается на ухабистой дороге. Я смотрю в окно, но вижу только отражение Кайдэна в стекле. Он сидит с непроницаемым лицом, но я чувствую его напряжение. Воздух между нами такой плотный, что можно резать ножом.

— Знаешь, — наконец произносит он, не поворачивая головы. — Я подумал и решил, что нам стоит сразу расставить точки над *i*.

Я медленно поворачиваюсь к нему.

— О чем ты?

Он наконец смотрит на меня. Взгляд тяжелый, холодный, будто я — насекомое, случайно залетевшее в его идеальный мир.

— О нас. О том, что мы теперь формально родственники. Но это ничего не значит. Ты для меня — никто. Пустое место. Жительница немагического мира, которая даже не представляет, какой удачей было родиться среди людей, а не среди тех, кто тащит на себе этот хрупкий баланс.

Я открываю рот, но он продолжает, не давая мне вставить ни слова.

— Вы, немаги, думаете, что мир крутится вокруг вас. Но вы даже не представляете, сколько магии уходит на то, чтобы поддерживать вашу реальность. Вы паразитируете на нас, даже не зная об этом. И ты — одна из них.

— Паразитируем? — повторяю я, чувствуя, как внутри закипает гнев.

— Именно, — он щурится. — Поэтому держись от меня подальше. В академии мы не знакомы. Ты меня не знаешь, я тебя не знаю. И не вздумай афишировать, что мы хоть каким-то боком родственники. Это поставит под удар мою репутацию.

Я чувствую, как щеки заливают краской. От обиды. От злости. От унижения.

— Знаешь что, Кайден? — мой голос дрожит от едва сдерживаемой ярости. — Мне плевать на твою репутацию. Я не собиралась воровать твою популярность. Поверь, я бы с радостью осталась в своем мире, где люди хотя бы не смотрят на других свысока только потому, что умеют колдовать.

Он открывает рот, но я не даю ему ответить.

— Мой папа погиб, — мой голос срывается, но я беру себя в руки. — Погиб в автокатастрофе. Я не выбирала этот мир. Не выбирала твоего отца, не выбирала тебя. Но у меня нет выбора — я должна жить здесь с мамой, пока она счастлива. Но через месяц мне исполнится восемнадцать, и я съеду в общежитие. И тогда ты меня больше никогда не увидишь. Никогда, слышишь?

Наши глаза встречаются. В его взгляде — что-то промелькнуло. Удивление? Сожаление? Нет. Скорее раздражение.

— Месяц? — переспрашивает он с усмешкой. — Ну что ж. Это будет самый длинный месяц в моей жизни.

— Взаимно, — цежу я сквозь зубы.

Мы замолкаем. Экипаж резко тормозит, и я слышу голос кучера:

— Прибыли, господа.

Я не жду ни секунды. Хватаю свою сумку и вылетаю из экипажа, едва не споткнувшись о подножку. Вдыхаю свежий воздух и чувствую, как земля под ногами твердая и реальная. Вокруг снуют студенты в черно-золотых мантиях, кто-то смеется, кто-то спорит. Я оглядываюсь на исполинское здание Академии Драконов — башни, уходящие в облака, витражи, переливающиеся всеми цветами радуги.

Но сейчас мне не до красот. Я ныряю в толпу, смешиваясь с потоком студентов, и слышу за спиной раздраженный голос Кайдена:

— Да чтоб тебя... Ветрова, стой, номер документа... ты хоть знаешь, где твой факультет?!

Я не оборачиваюсь. Я просто исчезаю в море мантий, оставляя его стоять у экипажа. Пусть злится. Мне плевать. В следующем месяце я уеду в общежитие, и мы больше никогда не увидимся. Ведь правда же?

Я сжимаю ремешок сумки и ускоряю шаг, прогоняя прочь предательские сомнения.

Глава 2.

ФРА

Я бегу, не разбирая дороги. Сердце колотится где-то в горле, а в ушах все еще звучит его голос: «Да чтоб тебя... Ветрова, стой!»

Как будто я собираюсь слушаться.

Толпа студентов вокруг меня волнуется, как живой организм. Кто-то смеется, кто-то спорит о расписании, кто-то тащит огромные стопки книг, парящих в воздухе. Я оглядываюсь по сторонам, пытаюсь найти хоть какую-то табличку с указателем.

— Простите! — я ловлю за рукав парня в темно-синей мантии с золотой окантовкой. — Я новенькая. Не подскажете, где списки распределения по факультетам?

Парень — светловолосый, с веснушками и добрыми глазами — улыбается мне.

— Первый курс? Ищешь свой факультет? — он кивает куда-то влево. — Главный холл, там огромная доска объявлений. Увидишь толпу — значит, пришла по адресу. А какой у тебя факультет?

Я замираю. Я понятия не имею. Мама что-то говорила про распределение, но после встречи с Кайденом вся информация вылетела из головы.

— Я... не знаю. Меня не распределяли.

Парень удивленно поднимает бровь, но не задает лишних вопросов. Просто машет рукой и исчезает в толпе.

Я иду к главному холлу.

И да, толпа там действительно огромная. Студенты всех возрастов толпятся вокруг массивной доски, на которой золотыми буквами светятся списки. Я проталкиваюсь вперед, игнорируя недовольные взгляды, и наконец нахожу свою фамилию.

Ветрова Лия

И рядом — название факультета.

Факультет Резонанса и Адаптации (ФРА)

Я хмурюсь. Никогда не слышала о таком. Звучит... странно.

— О, смотрите! Еще одна «резонансница»!

Я оборачиваюсь на голос. Позади меня стоит компания из трех девушек. В центре — высокая блондинка с идеальной укладкой и острым, как лезвие, взглядом. На ней мантия белого цвета с серебряной вышивкой — дорогая, явно не стандартная форма. По бокам стоят брюнетка и рыжая — типичные подпевалы, с одинаковыми насмешливыми улыбками.

— Амелия Вандербилт, — представляется блондинка, хотя я ее не просила. — А ты, наверное, очередная выскочка из своего немагического мира. Решила испытать судьбу?

Я чувствую, как несколько взглядов упираются в меня. Но я делаю глубокий вдох и улыбаюсь.

— Привет. Да, я Лия. Приятно познакомиться.

Я протягиваю руку. Амелия смотрит на мою ладонь, как на грязную тряпку, и не пожимает ее.

— Ой, не надо этой твоей немагической дружелюбности, — фыркает она. — Я слышала, ты попала на ФРА.

Она произносит это так, будто говорит «ты попала в выгребную яму».

— И что это значит? — спрашиваю я, стараясь сохранять спокойствие.

Брюнетка хихикает, прикрывая рот ладошкой.

— Факультет Резонанса и Адаптации, — поясняет Амелия с преувеличенной вежливостью, будто разговаривает с умственно отсталой. — Специальное место для тех, у кого про-

блемы с магией. Те, кто не может нормально колдовать. Кто слишком слаб, чтобы попасть на нормальный факультет. Или...

Она делает паузу и смотрит на меня с прищуром.

— ...или те, у кого магии вообще нет. Его специально открыли для таких как ты, из немагического мира. Ну, тогда понятно. ФРА — помойка для неудачников. Там учат хотя бы не убится бытовым заклинанием.

Рыжая добавляет, усмехаясь:

— Говорят, у них даже драконов нет. Они просто сидят в подвалах и изучают теорию, пока нормальные студенты летают.

Я сжимаю кулаки. Внутри все кипит, но я не хочу показывать им, что меня это задевает.

— Спасибо за информацию, — говорю я максимально спокойно. — Буду знать, где искать свою «помойку». А вы идите, не задерживайтесь. А то вдруг ваш факультет без вас развалится.

Амелия прищуривается. Ее улыбка становится опасной.

— Осторожнее, девочка. ФРА — не то место, где стоит гордиться своим положением. Если тебе повезет, ты доползешь до выпуска. Если нет... — она пожимает плечами. — Ну, несчастные случаи бывают даже в академии.

Она разворачивается и уходит, сопровождаемая своими подпевалами. Я остаюсь стоять в центре холла, чувствуя, как взгляды пронзают меня со всех сторон.

— Не обращай внимания, — раздается голос сбоку.

Я оборачиваюсь. Рядом стоит девушка с короткими рыжими волосами, в мантии темно-серого цвета. На груди — значок ФРА.

— Амелия — стерва, каких поискать. Но она права в одном: наш факультет не в почете. — Она протягивает руку. — Меня зовут Рина. Я тоже с ФРА. Идем, я покажу тебе дорогу, пока ты не заблудилась окончательно.

Я выдыхаю. Впервые за сегодня кто-то протягивает мне руку помощи, а не пытается уку-
сать.

— Спасибо, Рина. Я Лия.

— Знаю, — улыбается она. — Я слышала, как про тебя наша ФРАша рассказывала.

Я неловко смеюсь.

— ФРАша? — удивленно переспрашиваю девушку.

— Это прозвище нашей деканши, — подмигивает Рина. — Идем. Нас ждут подвалы, пыльные книги и полное отсутствие драконов. Добро пожаловать на ФРА.

Я иду за Риной через лабиринты коридоров, и с каждым шагом академия становится все менее похожей на то величественное здание, которое я видела снаружи.

Мы минуем широкие мраморные лестницы, минуем залитые солнцем галереи, где студенты в белых и золотых мантиях снуют с важным видом. Рина уверенно сворачивает в боковой проход, и вдруг мы оказываемся в узком коридоре с каменными стенами, освещенном тусклыми магическими светильниками.

— А почему ФРА в подвале? — не выдерживаю я.

— Потому что мы — позор академии, — спокойно отвечает Рина, не оборачиваясь. — Шучу. Ну, почти. На самом деле наш факультет — один из старейших. Просто его основали задолго до того, как магию начали делить на сильную и слабую. Тогда считалось, что любой дар ценен, даже если он не похож на огненные шары и превращение в дракона. А сейчас после объединения миров, когда в академию могут поступать и не маги, именно на этот курс решили определить таких студентов.

Она останавливается перед массивной дубовой дверью, испещренной странными символами. Я всматриваюсь — они пульсируют тусклым синим светом, будто дышат.

— ФРА изучает не магию как силу, — продолжает Рина, нажимая ладонью на центр двери. — Мы изучаем магию как суть. Как она течет, как резонирует с миром, с предметами,

с людьми. Поэтому нас и называют «резонансниками». Мы не умеем запускать файерболы, но мы чувствуем магию так, как ни один дракон не чувствует.

Дверь со скрипом открывается, и я замираю.

Я ожидала пыльный подвал с обшарпанными стенами и сломанными партами. Того, что насмешливо описывала Амелия.

Но передо мной — зал.

Огромный, круглый, уходящий куда-то ввысь, где теряется потолок. Стены здесь не каменные — они живые. Опутанные корнями и лианами, которые светятся мягким золотистым светом. По корням бегут искры — будто по венам течет магия.

В центре зала — старое, огромное дерево. Не настоящее, но сотканное из света и теней. Его ветви раскинулись над головами студентов, которые сидят кто на полу, кто на подушках, кто на подоконниках высоких арочных ниш. В воздухе пахнет травами, старой бумагой и чем-то сладким — то ли медом, то ли дымом.

И тишина.

Здесь тихо. Не гробовой молчание, а какая-то глубокая, наполненная тишина. Слышно, как шелестят страницы, как кто-то бормочет заклинания себе под нос.

— Это... — я теряю дар речи. — Это не подвал.

— А мы говорили, что подвал? — усмехается Рина. — Просто вход не сразу найдешь. Амелия и ей подобные думают, что мы сидим в сыром подzemелье. Пусть думают. Так спокойнее.

Она подходит к одному из студентов — парню с темными кудрями, который что-то пишет в огромном фолианте. Тот поднимает голову и с интересом смотрит на меня.

— Новичок? — спрашивает он. — Та самая про которую говорила ФРАша?

— Она самая, — кивает Рина. — Лия, знакомься. Это Итан. Староста нашего курса.

Итан встает и протягивает руку. Его рукопожатие теплое и уверенное.

— Добро пожаловать на ФРА, Лия. Мы здесь все немного странные. Но это потому, что нас не учат быть «нормальными магами». Нас учат быть теми, кто мы есть.

Я улыбаюсь. Впервые за сегодня искренне.

— Звучит обнадеживающе.

— Идем, — Итан машет рукой. — Я провожу тебя к деканше. Она ждала тебя.

Мы проходим между корнями, которые расступаются перед нами, будто живые. Студенты провожают меня любопытными взглядами, но никто не смотрит враждебно. Кто-то кивает, кто-то улыбается. Одна девушка с длинной косой цвета воронова крыла поднимает руку в приветственном жесте, не отрываясь от книги.

Я чувствую, как внутри отпускает тот узел, что скрутился после встречи с Кайденом и Амелией.

Мы подходим к круглой двери, вплетенной прямо в ствол светящегося дерева. Итан стучит три раза.

— Войдите, — раздается голос. Мелодичный, но с хрипотцой.

Дверь открывается, и я вхожу.

Кабинет деканши — это, наверное, самое необычное место, которое я видела в этом мире. И я видела уже немало.

Стены здесь отсутствуют в привычном понимании. Вместо них — тьма, усыпанная звездами. Будто мы находимся не в кабинете, а в центре ночного неба. Пол — прозрачный, под ним течет река. Настоящая, с рыбами, которые светятся изнутри.

За столом — нет, не за столом. За изогнутой ветвью дерева, которая служит партой, сидит женщина.

На вид ей около сорока, но глаза у нее старые. Очень старые. И мудрые. Темные волосы собраны в пучок, из которого выбиваются пряди с сединой. На ней простая мантия серого цвета, но на груди сверкает брошь — маленький дракон, свернувшийся в кольцо.

Она смотрит на меня, и я чувствую, как ее взгляд проникает в самую душу.

— Лия Ветрова, — говорит она. Из немагического мира. — Ее голос звучит одновременно в ушах и где-то глубоко внутри. — Я — декан Сольвейг. Староста факультета Резонанса и Адаптации.

— Очень приятно, — выдыхаю я.

Сольвейг улыбается. В ее улыбке есть что-то теплое и одновременно печальное.

— Садись, Лия. Нам нужно поговорить.

Я сажусь на мягкий пуфик, который оказывается на самом деле большим грибом. Он слегка пружинит подо мной.

— Ты удивлена, — говорит она не вопросительно, а утвердительно. — Ты ожидала увидеть серые стены, старые парты и затхлый запах?

— Честно? Да, — признаюсь я.

— ФРА не любит показывать свою истинную суть тем, кто не готов ее увидеть, — Сольвейг переплетает пальцы. — Ты — особый случай. Ты не просто из другого мира. Ты — первый человек за двести лет, кто попал к нам без капли магии. Все остальные студенты, из твоего мира, кто поступил в академию, так или иначе наделены магическими способностями.

У меня внутри все холодеет.

— То есть... у меня вообще нет магии?

Сольвейг медлит. Она смотрит на меня так, будто видит что-то, чего не вижу я.

— Я этого не говорила, — тихо произносит она. — Я сказала, что ты попала к нам без капли магии. Но это не значит, что у тебя ее нет.

Она встает и подходит ко мне. Ее рука ложится мне на плечо.

— Лия, ты — загадка. Твой потенциал спит. Он глубоко, очень глубоко. Но он есть. Я чувствую его, когда ты рядом.

Она наклоняется и смотрит мне прямо в глаза.

— Вопрос не в том, есть ли у тебя магия. Вопрос в том, сможешь ли ты ее разбудить. И готова ли ты к тому, что проснется.

Я молчу. Слова деканши повисают в воздухе, и я чувствую, как они оседают где-то глубоко внутри, пуская корни. *Сможешь ли ты ее разбудить. И готова ли ты к тому, что проснется.* Звучит почти угрожающе. Или предостерегающе.

— А что может проснуться? — наконец решаюсь спросить я. Голос звучит тише, чем мне хотелось бы.

Сольвейг разводит руками, и в этом жесте мне чудится не то усталость, не то загадка.

— Если бы я знала, Лия, я бы не сидела здесь деканом ФРА, а возглавляла бы Совет Магов. — Она усмехается собственным словам. — Твоя магия — необычная. Она не похожа ни на что, с чем я сталкивалась за свою долгую жизнь. Она спит так глубоко, что обычные методы диагностики ее просто не видят. Но я чувствую ее. Как вибрацию. Как резонанс.

— Резонанс, — повторяю я, пробуя слово на вкус. — Поэтому факультет так называется?

— Именно. Мы учим не создавать магию, а находить ее. В себе, в других, в мире вокруг. Даже в тех, кто считает себя абсолютно немагическим. — Деканша садится обратно за свою ветку-стол. — Твое обучение будет отличаться от того, что проходят обычные студенты. Ты не будешь учиться запускать огненные шары или левитировать предметы. По крайней мере, пока.

— А что я буду делать?

— Слушать. Чувствовать. Наблюдать. — Она перечисляет, загибая пальцы. — Твоя первая пара — «Основы магического резонанса». Ее ведет профессор Корвин. Он познакомит тебя с базовыми понятиями. Вторая пара — «История объединения миров». Это лекция для

всех первых курсов. После обеда — практикум по адаптации. Там ты будешь работать в паре с кем-то из старшекурсников.

Я киваю, пытаюсь удержать в голове этот поток информации. Названия предметов звучат как заклинания сами по себе.

— И еще, — добавляет Сольвейг, и в ее голосе появляются стальные нотки. — Насчет столовой.

Я настораживаюсь.

— ФРА не имеет собственной столовой. Все студенты академии обедают в главном зале. Это традиция. И правило. — Она смотрит на меня с прищуром. — Я знаю, что ты уже столкнулась с предвзятостью. Амелия Вандербилт — не единственная, кто считает наш факультет низшим. В столовой тебе придется непросто. Но ты справишься.

— Я не боюсь, — говорю я, и это почти правда.

— Хорошо. — Сольвейг кивает. — Итан покажет тебе дорогу до аудитории. Удачи, Лия Ветрова. Увидимся на вечернем построении.

Я встаю с гриба-пуфика и направляюсь к выходу. Но перед дверью оборачиваюсь.

— Декан Сольвейг... А что, если я не смогу разбудить свою магию?

Она смотрит на меня долгим взглядом.

— Тогда ты останешься на ФРА как исследователь. Будешь изучать теорию. Помогать другим. Это тоже важно. — Пауза. — Но я почему-то уверена, что ты не из тех, кто сдается.

Я выхожу из кабинета с тяжелым сердцем и легкой улыбкой.

Итан ждет меня у двери, прислонившись плечом к светящемуся стволу.

— Жива? — спрашивает он с усмешкой.

— Кажется, да.

— Отлично. Тогда пошли. Первая пара через десять минут, а профессор Корвин не любит опозданий. Говорят, он превращал опоздавших в статуи. Правда, ненадолго.

— Что? — я замираю.

— Шучу. — Итан подмигивает. — Но бежать все равно стоит. Он вредный старик.

Мы бежим по коридорам ФРА, и я снова удивляюсь, как здесь все устроено. Корни на стенах пульсируют в такт нашему бегу, будто подбадривая. Светящиеся искры взлетают в воздух, когда я задеваю лианы.

Аудитория профессора Корвина оказывается небольшой, круглой, с амфитеатром из каменных скамей, устланных подушками. За пюпитром стоит пожилой гном с длинной седой бородой, заплетенной в косички, и в очках с такими толстыми линзами, что глаза за ними кажутся огромными.

— А вот и наша загадка! — гремит его голос, когда я захожу. — Лия Ветрова. Без капли магии. Садись вперед, дитя. Я хочу на тебя посмотреть.

Я чувствую, как краснею под взглядами десятка с лишним студентов. Но сажусь на первую скамью, прямо перед профессором.

— Итак, — Корвин хлопает в ладоши, и свет в аудитории меркнет. В воздухе загораются маленькие золотистые сферы. — Сегодня мы поговорим о том, что такое резонанс. И почему вы, дорогие мои «неудачники», на самом деле — самое интересное, что есть в этой академии.

Я задерживаю дыхание. И чувствую, как внутри что-то отзывается. Слабо. Едва заметно. Но отзывается. Словно струна, которую наконец-то задела.

Лекция пролетает как один миг. Корвин рассказывает увлеченно, с искрами в глазах. О том, что магия — это не сила, а течение. Что резонанс — это способность настроиться на волну мира. Что на ФРА учат не колдовать, а слышать.

Я записываю каждое слово, хотя чернила на моем пере — магические, ложатся золотом, а потом исчезают, оставляя только след в памяти.

Когда звенит колокол, я не сразу понимаю, что пара кончилась.

— Вторая пара — общая, — напоминает Итан, подходя ко мне. — В главном корпусе. Идем, я провожу тебя до выхода с ФРА. А дальше сама найдешь?

— Найду, — говорю я неуверенно.

— Держи. — Он протягивает мне маленький кристалл на шнурке. — Компас. Он покажет дорогу к любой аудитории. Просто скажи название.

Я беру кристалл. Он теплый и пульсирует в такт моему сердцу.

— Спасибо, Итан. Правда.

— Не за что. Мы, резонансники, должны держаться вместе. — Он улыбается и исчезает в коридоре.

Вторая пара — история. В огромной аудитории, где собрались студенты со всех факультетов. Я сижу в самом конце, стараясь быть незаметной. Но все равно ловлю на себе взгляды.

— Смотри, это та новенькая с ФРА...

— Которая без магии?

— И как ее только приняли?

Я сжимаю кулаки под партой. Но вспоминаю слова Корвина: *«Резонанс — это способность не слышать шум, а слышать тишину»*. И я стараюсь слушать тишину внутри себя.

Лектор — высокая эльфийка с серебристыми волосами — рассказывает о том, как триста лет назад магические миры открыли порталы в мир людей, и как сейчас произошло полное объединение миров. Как люди без магии начали постепенно поступать в академии.

Я слушаю вполуха. Мысли возвращаются к словам деканши. К тому, что сказал Кайдэн. К маме, которая отправила меня сюда с такой надеждой в глазах.

Когда лекция заканчивается, живот предательски урчит. Я вспоминаю про столовую.

Главный зал — огромный, с высокими сводчатыми потолками, расписанными сценами из магических битв. Столы длинные, деревянные, накрытые белыми скатертями. В воздухе витает невероятный запах — смесь выпечки, жареного мяса и чего-то сладкого.

Я беру поднос и становлюсь в очередь. Студенты передо мной заказывают еду магическим жестом — тарелки сами наполняются. Я понятия не имею, как это работает.

— Эй, новенькая, — раздается знакомый голос за спиной. — Ты вообще знаешь, как здесь заказывать? Или будешь голодной стоять?

Я оборачиваюсь. Амелия. И ее подпевалы.

— Разберись, — отвечаю я ровно.

— Ну-ну. — Она улыбается сладко-ядовито. — Смотри, не опозорь свой факультет. Хотя куда уж больше.

Я делаю глубокий вдох и... замечаю маленькую записку на своем подносе.

«Скажи «По меню». Еда появится сама. Держись. Твой тайный доброжелатель с ФРА».

Я улыбаюсь и поворачиваюсь к раздаче.

— По меню, — говорю я четко.

Поднос наполняется. Горячий суп, хрустящий хлеб, запеченное яблоко с корицей.

Я нахожу свободное место в углу, подальше от Амелии. И, оглядываясь по сторонам, чувствую, как внутри разливается тепло.

Суп оказывается невероятно вкусным — с травами, которых я никогда не пробовала, и с легким ореховым послевкусием. Хлеб хрустит на зубах, а запеченное яблоко тает во рту, оставляя коричневое тепло.

Но мысли заняты не едой.

Твой тайный доброжелатель с ФРА.

Кто это мог быть? Итан? Он единственный, кто знал, что я иду в столовую. Но он проводил меня только до выхода с факультета. Рина? Она исчезла сразу после того, как привела меня в общий зал ФРА. Может, кто-то из тех студентов, что сидели на лекции Корвина и смотрели на меня с любопытством?

Я перебираю в голове лица, но ни одно не цепляется.

Записка появилась на подносе незаметно. Кто-то подложил ее, пока я стояла в очереди и отбивалась от Амелии. Этот кто-то видел, что я растеряна, и решил помочь. Просто так. Без просьбы. Близко ли я подошла к тому, чтобы опозориться перед всей столовой.

Я сжимаю записку в кармане. Может, потом покажу Итану или Рине — вдруг они узнают почерк.

Доев яблоко, я встаю и беру поднос. Нужно отнести его вон к той стойке, где студенты оставляют грязную посуду. Я видела, как это делали другие — просто ставят поднос на край, и он исчезает с тихим звоном, будто проваливается в невидимую бездну.

Я делаю шаг, второй.

И вдруг чувствую, как что-то резко и больно впивается мне в щиколотку. Чья-то нога. Подножка.

Я лечу вперед. Поднос выскальзывает из рук. Тарелки с грохотом разбиваются о каменный пол. Я падаю на колени, и острая боль пронзает ладони — я выставила руки, чтобы не разбить лицо.

Тишина.

А потом — смех. Звонкий, наглый, торжествующий.

— Ой, какая неуклюжая! — голос Амелии разрезает столовую, как нож. — Смотрите, первокурсница с ФРА даже ходить не умеет. Как она вообще сюда попала?

Я поднимаю голову. Амелия стоит надо мной, сложив руки на груди. Рядом с ней — две девицы, которых я уже видела раньше.

Я пытаюсь встать, но Амелия делает шаг вперед, наступая на край моего пиджака. Я снова теряю равновесие и падаю на локти.

— Куда ты так торопишься? — мурлычет она. — Мы еще не закончили.

Я смотрю на нее снизу вверх. В ее глазах — холодное, расчетливое удовольствие. Она не просто издевается. Она утверждает свое превосходство. Показывает всем, что ФРА — отбросы, и я — главное доказательство.

— Амелия, оставь ее, — раздается неуверенный голос от соседнего стола. Но он тонет в смехе подпевал.

— Что? — Амелия оборачивается к говорившему. — Ты хочешь заступиться за *это*? — Она кивает на меня, будто на мусор. — Да она даже поесть нормально не может. Ей записки подкладывают, как ребенку. А ну, девочки...

Я не успеваю понять, что происходит. Две девицы-подпевалы подхватывают свои тарелки — с остатками супа, размокшим хлебом, какой-то серой жижей — и синхронно опрокидывают их на меня.

Холодная, липкая масса обрушивается на голову, стекает по лицу, по мантии, по рукам. Я чувствую запах еды и слышу, как зал взрывается хохотом.

У меня перехватывает дыхание. Не от боли. От унижения.

Я сижу на полу, в луже разбитой посуды и остатков чужого обеда, и понимаю, что сейчас расплачусь. Прямо здесь. Перед всеми.

— Ну что, резонансница, — Амелия наклоняется ко мне, и ее голос становится тихим, почти ласковым. — Нравится тебе в нашей академии? Или, может, захочешь вернуться в свой... как его... Челябинск? Говорят, там серо и скучно. Прямо как ты.

Я сжимаю зубы так, что они скрипят. Слезы уже подступают к глазам, и я не знаю, как их остановить.

— А ну отошли от нее.

Голос резкий, металлический. Он раздается откуда-то сбоку, и в нем столько силы, что смех в зале мгновенно стихает.

Я поворачиваю голову и вижу девушку.

Она не сильно высокая, чуть выше среднего, с длинными волосами и серыми глазами, которые сверкают, будто лед на солнце. На ней простая черная мантия без знаков факультета.

Девушка подходит к нам размашистым шагом. В руках у нее пустой поднос — она только что пообедала. Но держит она его так, будто это щит.

— Ника, — цедит Амелия, и в ее голосе впервые проскальзывает неуверенность. — Не вмешивайся. Это не твое дело.

— Ах, не мое? — Девушка — Ника — останавливается в двух шагах от меня. — А я думала, что твое собачье поведение в столовой — общее дело всей академии. Или ты думаешь, что раз твой папаша в Совете, тебе все позволено?

— Заткнись, — Амелия делает шаг к ней, но Ника даже не моргает.

— Ты кто вообще такая, чтобы мне указывать? — Ника поднимает бровь.

По залу проносится приглушенный шепот. Кто-то смеется. Амелия краснеет — зло, пятнисто.

— Ты за это заплатишь, — шипит она. — Думаешь братья Райдер всегда будут за тебя заступаться? Ничего, пройдет время их наставничества и ты еще заплатишься.

— Братья Райдер никакого отношения ко мне не имеют, — спокойно отвечает Ника. — А сейчас ты поднимешь свою аристократическую задницу и уберешься отсюда. Вместе со своими шавками. Иначе я лично проверю, как быстро ты научишься летать.

На миг мне кажется, что Амелия бросится на нее. Но она лишь сверлит Нику взглядом, полным ненависти, а потом резко разворачивается и уходит. Подпевалы семянят за ней, как нашкодившие щенки.

Ника провожает их взглядом, а потом опускается на корточки рядом со мной.

— Ты как? — спрашивает она, и ее голос смягчается. — Сильно ушиблась?

Я качаю головой. Слова застревают в горле. Я чувствую себя раздавленной. Мокрой. Грязной.

Ника протягивает мне руку.

— Вставай. Пойдем, надо тебя отмыть. И переодеть.

Я беру ее руку. Она сжимает мою ладонь крепко и уверенно, и я поднимаюсь на ноги, поскальзываясь на лужице супа.

— Спасибо, — выдавливаю я наконец. Голос дрожит.

— Не за что, — Ника усмехается. — Терпеть не могу этих высокородных засранцев. Думают, что мир создан для их развлечения.

Она оглядывает мой залитый едой вид и вздыхает.

— Пойдем, покажу тебе умывальную комнату. Заодно расскажешь, как ты умудрилась попасть на ФРА. Это ж надо было так вляпаться.

— Это... я не специально.

— Знаю. — Ника хлопает меня по плечу. — Шучу. Идем.

Я делаю шаг за ней, но оборачиваюсь. На полу — осколки тарелок, растоптанное яблоко, лужа супа. И маленький клочок бумаги, который выпал из моего кармана — та записка.

Я поднимаю ее. Она промокла, но слова еще можно разобрать.

«Скажи «По меню». Еда появится сама. Держись. Твой тайный доброжелатель с ФРА».

Я сжимаю бумажку в кулаке.

Доброжелатель. Амелия. Ника. ФРА.

Я здесь всего день, а уже чувствую, что эта академия — как тот самый суп с травами. Горьковатый, но с неожиданно теплым послевкусием.

Ника ждет меня у двери.

— Идем?

— Идем.

И я шагаю за ней, оставляя за спиной разбитые тарелки и злой шепот.

Мы выходим из столовой, и я жадно вдыхаю воздух коридора — он кажется мне чистым, хотя пахнет всё той же магией и старым камнем. На моей мантии противно хлюпает суп, волосы слиплись, и я чувствую себя нашкодившим котёнком, которого вытащили из помойки.

Ника идёт рядом, не оборачиваясь, но я замечаю, как она сжимает и разжимает кулаки. Будто всё ещё сдерживает желание вернуться и добавить Амелии.

— Умывальная комната здесь, — она толкает дверь, и мы входим в небольшое помещение с каменными раковинами и большими зеркалами в резных рамах. Ника щёлкает пальцами, и из одного крана начинает течь тёплая вода — сама, без всяких ручек.

Я подхожу к раковине и долго смотрю на своё отражение. Мокрые пряди, красные глаза, пятна жира на щеке. Я вытираю лицо руками, потом щедро умываюсь, смывая липкую жижу.

Ника протягивает мне какое-то чистый платок.

— Спасибо, — говорю я, принимая его. — Ты меня спасла. Я серьёзно. Я думала, разревусь прямо там.

— Было бы на что смотреть, — фыркает Ника. — Подумаешь, супом облили. Меня как-то книгой по голове огрели. Толстенной. По истории магии. Вот это был позор. И такое устроили в первый день, что я думала меня исключат сразу же.

Я невольно улыбаюсь.

— А почему Амелия тебя так испугалась? Я видела: она побледнела, когда ты вошла.

Ника пожимает плечом. Подходит к зеркалу, поправляет воротник.

— Она боится не меня. Она боится того, кто за мной стоит.

— Ты про... братьев Райдер? Амелия упомянула их.

Ника замирает. В зеркале я вижу, как её лицо на миг становится непроницаемым, словно она закрылась — быстро, но я успеваю заметить.

— У меня есть наставники, — говорит она ровно, не глядя на меня. — В академии есть традиция: студентам из немагического мира назначают наставников из числа сильнейших магов или влиятельных семей. Чтобы помочь адаптироваться. Защитить. Ну, или присмотреть, если ты из другого мира.

— То есть ты тоже... как я? Из немагического мира?

Ника кивает.

— Только я здесь уже два года. Почти освоилась. Но поначалу было так же паршиво, как у тебя сейчас. Даже хуже.

Я молчу, переваривая информацию. Потом решаюсь спросить то, что вертится на языке с той самой минуты, как Амелия произнесла это имя:

— А ты сама? Боишься братьев Райдер?

Тишина.

Она длится всего три удара сердца, но мне кажется — целую вечность.

Ника не оборачивается. Её пальцы замирают на воротнике, и я вижу, как напрягаются её плечи.

— Я их не боюсь, — наконец говорит она. Голос странный. Сдавленный. — Скорее... наоборот.

Я открываю рот, чтобы спросить, что это значит, но Ника резко оборачивается, и на её лице — прежняя усмешка.

— Всё, умывайся давай быстрее.

Я понимаю, что разговор закончен. Здесь. Сейчас.

— Мне нужно в ФРА, скоро практикум, — говорю я, вытирая лицо платком. — Спасибо тебе ещё раз, Ника. Правда.

— Не за что. — Она кивает. — Только запомни: таких, как Амелия, не стоит бояться. Они сильны только пока ты молчишь и терпишь. А если дать им отпор... — она улыбается, но улыбка выходит какой-то тёмной. — Они рассыпаются, как старые статуи.

Я киваю и выхожу из умывальной комнаты. Записка всё ещё в кармане. Волосы мокрые, но чистые. На душе — горьковато, но с тёплым послевкусием.

Я бегу в ФРА, а в голове крутится одно имя.

Братя Райдер.

И то, как дрогнул голос Ники, когда она сказала: «Скорее... наоборот».

Я вернулась в ФРА и сразу же уткнулась в учёбу — будто могла утопить в ней весь сегодняшний позор.

Алхимия с мисс Велард. Теория малых потоков с профессором Хейлом. Практикум по управлению внутренним резервом — там я чуть не подпалила парту, но никто не смеялся. Наоборот, сосед слева помог поправить жест, а соседка справа шепнула: «У всех так поначалу, не парься».

Я дышала этим. Запоминала. Чувствовала. Впервые за день я не была «девчонкой с ФРА, которую облили супом». Я была просто студенткой.

На перемене ко мне подсели двое с моего потока. Парень по имени Тео — лохматый, веснушчатый, с вечно перепачканными чернилами пальцами — спросил, откуда я. Девушка по имени Лейн — с тёмной кожей и длинными косами.

— Адаптируешься, — сказала она просто. — Мы все адаптировались. ФРА выживает только потому, что мы друг за друга держимся.

Когда прозвенел последний звонок (здесь он звучал как хрустальный перезвон, разливающийся по всему этажу), я вдруг поймала себя на странном чувстве. Разочарование.

Я не хотела уходить.

Пока я сидела за партой, пока слушала лекции, пока ошибалась и пробовала снова — ни одна мысль об Амелии не проникала в голову. Ни одна капля супа не стекала по лицу в моих воспоминаниях. Здесь я была сильнее.

Но занятия кончились. И пустота вернулась.

Сокурсники высыпали из дверей вместе со мной. Кто-то хлопал меня по плечу, кто-то желал хорошего вечера. Тео крикнул: «Завтра на алхимию не опаздывай, я тебе место займу!»

Мы дошли до академических ворот — высоких, кованых, с магическими огоньками, которые зажглись сами, едва стемнело.

— Ну, бывай, — Лейн махнула рукой. — Мы в город, в таверну «Пьяный дракон». Слышала, там эль сегодня недорогой.

— Я в общежитие, — зевнул Тео. — Хочу доспать те часы, что не доспал за подготовкой к практике.

Они разошлись. А я осталась.

Стою у ворот, сумка прижата к груди. Ветер треплет уже сухие волосы. Вокруг — сумерки, магические фонари, редкие прохожие.

И вдруг до меня доходит.

Я не знаю, как попасть домой.

У меня нет адреса. Я не знаю названия улицы. Не знаю, ходят ли здесь экипажи. Не знаю, вызывают ли магических извозчиков. Я вообще не знаю ничего.

Я замираю, чувствуя, как паника подкатывает к горлу. Снова. Опять.

Шорох колёс по брусчатке. Ровный цокот копыт. Тёмная карета, лакированная, с узнаваемым гербом, тормозит рядом со мной.

Я сглатываю.

Паниковать уже поздно — меня заметили.

Дверца открывается — мягко, плавно, без скрипа.

Внутри, в полумраке салона, я вижу силуэт. Высокий. Прямая спина.

— Садись, Лия.

Кайдэн.

Я делаю шаг назад от кареты, вскидывая подбородок.

— Спасибо за предложение, но я доберусь сама.

Голос звучит ровно, хотя внутри всё дрожит. Я не хочу, чтобы он видел мою растерянность. Не хочу, чтобы кто-то сегодня снова увидел меня слабой.

Кайден не закрывает дверцу. Он смотрит на меня из полумрака — и я чувствую, как его взгляд давит.

— Садись, Лия. Не глупи.

— Я не глуплю. Я отказываюсь. Есть разница.

— Ты не знаешь города. Ты не знаешь дороги.

— Значит, узнаю.

Его челюсть сжимается. Я вижу, как ходит желвак. Он делает глубокий вдох, будто считает до десяти.

— Лия. Я не предлагаю. Я говорю — садись.

— А я не слышу. Я ухожу.

Я разворачиваюсь и делаю шаг прочь от кареты.

Не успеваю сделать и трёх шагов.

Сзади — шаги. Тяжёлые, быстрые. Я не успеваю обернуться — его пальцы смыкаются на моём запястье, резко дёргают назад.

— Пусти!

— Нет.

— Кайден, ты с ума сошёл?! Я сказала — нет!

— А я сказал — садись.

Он не уговаривает больше. Он берёт меня за талию — грубо, без церемоний — и буквально заталкивает в карету. Я брыкаюсь, молочу руками. Локтём попадаю ему по рёбрам — он даже не охает. Подошвой ботинка — по голени. Он шипит, но не отпускает.

— Да прекрати ты!

— Отпусти меня, придурок!

Я оказываюсь внутри. Он — следом. Дверца захлопывается с глухим стуком, и я чувствую, как карета дёргается с места.

В тесноте салона я теряю равновесие и врезаюсь в него. Он перехватывает меня за талию, прижимая к себе, чтобы я не упала. И замирает.

Я тоже замираю.

Мы так близко, что я чувствую запах его одеколона. Вижу, как блестят его глаза в темноте. Чувствую его дыхание на своей щеке.

Один миллиметр. Полшага. И мы столкнёмся.

Я упираюсь ладонями ему в грудь, собираясь оттолкнуть, сказать что-то резкое, но он не даёт мне шанса.

Он наклоняется. Рвано. Жадно. И целует меня.

Грубо. Без предупреждения.

Его губы впиваются в мои, его рука сжимает мой затылок, не давая отстраниться. Я на миг теряюсь — от шока, от давления, от его близости. Но только на миг.

Я кусаю его губу.

Он дёргается, слышу его резкий вдох, чувствую солёный привкус крови. Но он не отпускает. Только давит сильнее, будто хочет продавить меня в сиденье.

Я бью его ладонью в грудь — уже не сопротивляясь, а толкая, вкладывая всю злость. Он наконец отрывается от меня. На его губе — капелька крови. Он смотрит на меня, тяжёлый и тёмный.

— Ты охренел?!

Мой голос дрожит — от злости, не от страха.

— Никогда. Слышишь? Никогда так не делай. Убери руки, пока я не закричала.

Он молчит. Смотрит. Пальцы на моём затылке медленно разжимаются. Но он не отстраняется. Он просто сидит напротив, с каплей крови на губе, и смотрит так, будто я — единственное, что он видит в этой темноте.

Карета мчится в ночь.

А я сижу, стискивая кулаки, и чувствую, как на губе всё ещё горит вкус его поцелуя.

Другие книги литмоба "Мой сводный монстр" вы сможете найти по ссылке

<https://litnet.com/shrt/r8iQ>

Глава 3.

Карета мчится куда-то в ночь, но я чувствую, что время внутри нее застыло. Растянулось, как та жвачка, которую я жевала в детстве, пока не теряла вкус.

Я сижу, прижавшись спиной к холодной обивке — кажется, это дорогой бархат, но мне сейчас плевать. Мои пальцы осторожно касаются губ. Они горят. На подушечке — крошечное пятно крови. Его? Мое? Я уже не различаю, и это меня бесит.

Кайдэн сидит напротив. Не смотрит. Его взгляд устремлен в темное окно, но я вижу всё: как напряжена его челюсть, как тяжело вздымается грудь под черной рубашкой. Капля крови на его нижней губе давно засохла, но он даже не думает ее вытирать. Сидит так, словно эта капля — трофей. Или клеймо. Или черт его знает что еще.

Я не могу отвести от него взгляд. И ненавижу себя за это. Ненавижу так сильно, что хочется кричать.

— Ты сумасшедший? — мой голос снова дрожит. Опять. Я ненавижу эту слабость еще сильнее, чем его поступок. Я хочу звучать как сталь, а звучу как напуганный котенок, которого только что вытащили из воды за шкирку. Как жалко.

Он медленно поворачивает голову. В полумраке салона его серебряные глаза кажутся почти черными. Бездонными. Опасными. Я чувствую, как по спине бегут мурашки — не от страха, а от чего-то другого. От него.

— Это было предупреждение, Ветрова, — его голос ровный, ледяной. Будто никакого поцелуя не было. Будто он не сжимал мой затылок так, словно боялся, что я растворюсь в воздухе. Будто его губы не впивались в мои с такой отчаянной жадностью, что у меня до сих пор кружится голова. — Ты ведешь себя как дикое животное. Рычишь, кусаешься, пытаешься сбежать в неизвестность. Я показал тебе, что в этом мире я — закон. А ты — нет.

Я моргаю. Не верю своим ушам. Воздух в карете становится таким густым, что его можно резать ножом.

— Предупреждение? — переспрашиваю я, и внутри закипает такая злость, что страх отступает куда-то в самый дальний угол, сжимается в комок и прячется. — Ты напал на меня! Ты затащил меня в карету силой! Ты... ты поцеловал меня против моей воли! Как это вообще можно назвать предупреждением?!

— Я спасал тебя от твоей же глупости, — он усмехается, но усмешка не касается глаз. В них — что-то темное, непонятное. — Ты бы дошла до квартала Теней и тебя бы продали на органы для алхимических зелий. Или хуже. Но тебе, конечно, приятнее думать, что ты жертва моего «дурного вкуса».

— Твой вкус и так оставляет желать лучшего, — огрызаюсь я, вытирая губу рукавом манттии. Ткань уже и так испорчена супом, пусть будет еще одно пятно. — Раз ты выбрал «немагическую паразитку».

Воздух в карете сгущается еще сильнее. Я чувствую, как по коже бегут мурашки — от его присутствия. От того, как он заполняет собой все пространство, даже не двигаясь. Это раздражает. И притягивает. И я ненавижу себя за второе.

Кайдэн подается вперед, и его рука снова оказывается в опасной близости от моего лица. Я вздрагиваю, инстинктивно вжимаюсь в спинку сиденья, но он просто опирается ладонью о бархат рядом с моей головой. Запирает меня. Как в клетку.

— Запомни, Лия, — шепчет он, и от его дыхания у меня по спине пробегают мурашки, уже не от злости, а от чего-то совсем другого, от чего я хочу завывать. — Ты носишь имя де'Варго. И пока ты в моем доме, в моей академии — ты будешь играть по моим правилам. Иначе я сломаю тебя.

Я смотрю ему прямо в глаза. В эти серебряные, холодные, как лед на озере зимой. И внутри меня что-то щелкает. Как сломанная ветка. Как натянутая до предела струна.

— Пошел ты, — выдыхаю я. — Вместе со своими правилами. И своим драконом.

Он замирает. На долю секунды. А потом — усмехается. По-настоящему. Впервые за весь день. И эта усмешка пугает меня больше, чем его злость.

— А ты дерзкая, — тихо говорит он. — Мне это нравится. И не нравится. Одновременно.

— Это твоя проблема, — отрезаю я. — Не моя.

Он молчит. Смотрит на меня еще секунду. Две. Три. В его взгляде читается что-то странное — не злость. Не насмешка. Скорее... вызов. Будто я только что стала для него не пустым местом, не «немагической паразиткой», а головоломкой, которую он одержим желанием разгадать. Или сломать.

Карета резко тормозит. Я чуть не падаю с сиденья, но его рука — та самая, что была рядом с моей головой — ловит меня за плечо. Крепко. Надежно. И так же быстро отпускает, будто обжегшись.

Мы дома.

Дверца открывается. Кайден выходит первым, протягивает мне руку. Я смотрю на его ладонь. Длинную, с тонкими пальцами, с тем самым серебряным кольцом на указательном. Ту самую, что сжимала мой затылок.

— Сама, — говорю я и вылезаю из кареты без его помощи. Ботинки скользят по мокрой от вечерней росы брусчатке, но я удерживаюсь на ногах.

Кайден усмехается. Убирает руку.

— Как хочешь.

Мы идем к парадному входу молча. Я — впереди, он — в полшага позади. Я чувствую его взгляд на своей спине. Чувствую, как он смотрит на мои мокрые волосы, на пятна супа на мантии, на то, как я держу спину — прямо, несмотря на усталость и унижение.

У двери он обгоняет меня, открывает дверь.

— Иди в свою комнату, — говорит он ровно. — И не выходи до утра. Если увидишь тебя в коридоре — накажу.

— Чем? — я поворачиваюсь к нему. — Опять поцелуем?

Его челюсть напрягается. В глазах вспыхивает что-то темное, опасное.

— Не испытывай меня, Лия, — тихо говорит он. — Серьезно.

И уходит. По лестнице наверх, в свое крыло. Его шаги звучат ровно, уверенно, будто ничего не произошло. Будто он не целовал меня в карете. Будто я не кусала его до крови.

Я стою в холле одна. Сердце колотится где-то в горле. Губы все еще горят.

Я проскальзываю в свою комнату, запираю дверь на задвижку и только тогда позволяю себе опереться о нее спиной и сползти по стене на пол.

Тихо. В комнате темно, только лунный свет пробивается сквозь тяжелые бархатные шторы, рисуя на полу серебряные полосы. Пахнет лавандой и старым деревом. Пахнет домом, которого у меня никогда не было.

Я сижу на полу, обхватив колени руками, и пытаюсь понять, что только что произошло. Кайден поцеловал меня. Кайден. Тот самый, который утром обещал вышвырнуть меня в окно. Который за завтраком называл меня «сестричкой» с такой насмешкой, что хотелось провалиться сквозь пол. Который в карете сказал, что я для него — пустое место.

И при этом — целовал. Так, будто от этого зависела его жизнь. Или моя.

Я поднимаю руку и осторожно касаюсь губ. Они припухшие. Чуть-чуть болят. И все еще помнят его. Его жесткость. Его запах — сандал, металл, что-то древесное. И вкус крови.

— Идиот, — шепчу я в пустоту. — Придурок. Самодовольный дракон.

Но голос мой дрожит. И не от злости.

Я встаю, скидываю мантию. Пятна от супа уже засохли, ткань стоит колом. Пахнет кислым. Я морщусь, сую мантию в угол — отстираю завтра. Или не отстираю. Или сожгу. Еще не решила.

В ванной я долго стою под холодным душем. Вода стекает по волосам, по плечам, смывает остатки супа, усталость, унижение. Но не смывает ощущение его рук на моей талии. Не смывает вкус его поцелуя.

Я вытираюсь, надеваю ночную сорочку — длинную, до пят, с кружевным воротником. Мамина. Она купила ее мне вместе с тем самым дурацким пеньюаром. «На случай, если придется производить впечатление», — сказала она тогда. Я тогда закатала глаза. На кого я могу производить впечатление ночной сорочкой. Сейчас — кусаю локти. Хоть сорочка удобная.

Я подхожу к окну, раздвигаю шторы. Снаружи — ночь. Луна висит над садом огромная, желтая, почти оранжевая. Ветер шелестит листвой магнолий. Где-то вдалеке ухает сова. Или не сова. В этом мире черт ногу сломит, кто есть кто.

Я не хочу спать. Мозг пульсирует, как больной зуб. «Факультет Резонанса. Магия как суть. Ты — загадка.» Слова декана Сольвейг эхом отдаются в висках. Если у меня есть потенциал, почему я его не чувствую? Почему я для всех здесь — просто слепой котенок? Почему Кайден смотрит на меня так, будто я — то ли проблема, то ли находка?

И еще. Записка. «Держись. Твой тайный доброжелатель с ФРА». Кто это был? Итан? Рина? Кто-то еще? И почему этот кто-то решил помочь именно мне?

Я отхожу от окна, сажусь на край кровати. Матрас мягко пружинит под мной. И вдруг понимаю: я не знаю ответа ни на один из этих вопросов. И не узнаю, если буду сидеть здесь, в своей комнате, и кусать локти.

Мне нужно искать. Мне нужно найти хоть что-то, что докажет: я не пустое место. Что во мне есть что-то, кроме «нулевого резонанса». Что я — не просто ошибка природы, которую терпят в академии из жалости к маме.

Библиотека. Итан упоминал, что главный читальный зал работает до полуночи. Но есть еще один этаж. Архив. Туда пускают только старшекурсников и ассистентов. Но я видела, как Итан открывал потайную дверь за стеллажами с астрономическими картами. Он сказал: «На случай, если нужно найти то, чего нет в каталоге».

Я встаю. Решительно. Натягиваю поверх сорочки темный плащ — тот самый, что надела сегодня утром. Он все еще чуть пахнет супом, но сейчас мне не до брезгливости. Сую ноги в ботинки — без носков, на голую ногу. Холодно. Но так тихо.

Открываю окно. Первый этаж. Под окном — клумба с какими-то светящимися цветами. Я перебираюсь через подоконник, цепляюсь пальцами за каменный карниз, спрыгиваю.

Тихо. Никто не видит.

Ночь холодная, ветер пронизывает насквозь, и я вдруг с ужасом понимаю: на мне только тонкая ночная сорочка и плащ, который пахнет супом.

Идиотка. Полная идиотка.

Я бегу по темным улицам, стараясь держаться теней. Фонари здесь горят редко, и я молюсь, чтобы никто не заметил девушку в ночной рубашке. Ботинки я надела на голую ногу — носки остались в комнате, и теперь каждый шаг причиняет боль, но я не останавливаюсь.

Мне нужно добраться до академии. Мне нужно найти ответы.

На перекрестке я вижу его — магический извозчик. Не обычный экипаж с лошадьми, а странная повозка, парящая в воздухе на полметра над землей. Рядом стоит кучер — старый мужчина с седой бородой и усталыми глазами. Он курит трубку, и дым от нее пахнет чем-то сладким, вроде корицы.

Я подбегаю к нему, запыхавшаяся, с растрепанными волосами.

— Мне нужно в академию, — выдыхаю я. — Пожалуйста.

Кучер поднимает на меня глаза, и я вижу, как его брови ползут вверх. Он окидывает меня взглядом — от голых ног до плаща, под которым виден край ночной сорочки.

— Девушка, — говорит он медленно, — вы в чем вышли из дома?

— Мне нужно в академию, — повторяю я, игнорируя его вопрос. — Сколько стоит?

Он усмехается, но в усмешке нет злобы. Скорее недоумение.

— Пять серебряных. Но, может, сначала объясните, почему вы так поздно едете в академию? И почему в таком... наряде?

Я сжимаю зубы. Пять серебряных — это почти все деньги, которые у меня есть. Мама дала мне на карманные расходы, и я уже потратила часть на мелочи. Но сейчас мне плевать.

Я достаю кошелек, отсчитываю монеты и сую ему в руку.

— Пожалуйста, — говорю я. — Просто отвезите меня.

Он смотрит на деньги, потом на меня. Взвешивает что-то. Потом кивает.

— Садитесь, — говорит он. — Но предупреждаю: если вы сбежите из дома, я не хочу знать подробностей. Просто скажете, что вам нужно в библиотеку.

Я киваю, забираюсь в повозку. Она качается под моим весом, но не опускается на землю. Странное ощущение — сидеть в воздухе.

Кучер щелкает чем-то невидимым, и повозка трогается с места. Плавно, без рывков, как будто мы плывем над землей.

Я сижу, обхватив колени руками, и пытаюсь не дрожать. Не от холода — хотя холодно, черт возьми, очень холодно — а от страха. Что я делаю? Зачем я вообще полезла в эту авантюру? Я — немаг. Пустышка. Что я найду в архиве академии? Какие ответы?

И почему, черт возьми, я не оделась нормально? Сейчас, в темноте, когда повозка летит через пустые улицы, я чувствую себя обнаженной. Плащ тонкий, сорочка еще тоньше, и ветер продувает насквозь. Если кто-то увидит меня сейчас — девушку в ночной рубашке, в магической повозке посреди ночи — что он подумает?

Что я сбежала из психушки? Или хуже — что я шлюха убежавшая от клиента?

Я закрываю глаза и прижимаюсь к спинке сиденья. Сердце колотится где-то в горле. Я совершила невероятную глупость. Невероятную, идиотскую, непростительную глупость.

— Девушка, — раздается голос кучера. — Вы там живы?

— Да, — отзываюсь я хрипло. — Все нормально.

— Ненормально это, — ворчит он. — Ненормально. Молодые девушки не должны бегать по ночам в сорочках. Особенно в этот район. Здесь бывает... небезопасно.

Я сглатываю. Небезопасно. Отлично. Просто отлично.

— Я доеду, — говорю я. — Просто везите.

Он усмехается.

— Везу, везу. Не бойтесь. Я старый, но быстрый.

Повозка летит дальше, и я пытаюсь не думать о том, что будет, когда мы приедем. Как я пройду в библиотеку? Что я скажу, если меня поймают? Что я буду делать, если найду... что?

Я не знаю ответов.

Повозка останавливается у ворот академии. Я расплачиваюсь — кучер смотрит на меня с жалостью, но ничего не говорит — и выскакиваю наружу. Ботинки скользят по мокрой от росы брусчатке, но я удерживаюсь на ногах.

— Спасибо, — бросаю я через плечо и бегу к воротам.

Кучер что-то кричит мне вслед, но я не разбираю слов. Мне не до него.

Академия ночью выглядит как спящий дракон. Каменные горгульи на карнизах, кажется, следят за мной, пока я пробираюсь через внутренний двор. Их каменные глаза блестят в лунном свете, и мне кажется, что они вот-вот моргнут.

Я бегу, прижимая плащ к телу, и проклиная себя за каждую мелочь. За то, что не оделась теплее. За то, что не подумала, как буду выглядеть. За то, что вообще решилась на эту безумную вылазку.

Но остановиться уже не могу.

Дверь библиотеки не заперта — магический замок реагирует на мой пропуск первокурсника, мигая зеленым. Я проскальзываю внутрь.

Внутри пахнет старой бумагой, пылью и ванилью. Пахнет знаниями. Пахнет тайнами. Я иду на ощупь, освещая путь слабым огоньком, который научилась вызывать на кончике пальца. Вернее, это делает за меня мой пропуск — маленькая магическая штука, которую выдали сегодня утром. Я до сих пор не поняла, как она работает, но она работает. И ладно.

Главный зал пуст. Только в дальнем углу, за столом, спит сторож — старый гном с длинной седой бородой, которая расплелась по всему столу. Он храпит тихо, ритмично, как паровозик.

Я крадусь мимо него к стеллажам с астрономическими картами. Нахожу ту самую нишу, о которой говорил Итан. Дверь скрыта иллюзией — на вид обычная стена, ничем не примечательная. Но я вспоминаю слова Рины: *«Не смотри на магию. Слушай тишину»*.

Я закрываю глаза. Делаю глубокий вдох. Выдох. И просто... шагаю вперед.

Холод. Щелчок. Запах старой бумаги становится сильнее. В сто раз. В тысячу.

Я открываю глаза. Я внутри.

Архив не похож на остальную библиотеку. Здесь нет золотых сфер, нет мягких кресел, нет уютных уголков для чтения. Здесь — узкие проходы между стеллажами, уходящими в темноту. Стеллажи высокие, до самого потолка, который теряется во мраке. На полках — странные предметы: запечатанные бутылки с дымом, который клубится внутри; шкатулки, которые тихо шепчут на незнакомом языке; книги, прикованные к полкам серебряными цепями. Некоторые книги дышат. Медленно, ритмично, как спящие звери.

Я иду вдоль полок, водя пальцами по корешкам. «История Схождения». «Падение миров». «Резонанс пустоты». «Магия крови и ее запреты». «Немагические аномалии: мифы и реальность».

Последняя книга привлекает мое внимание. Я тянусь к ней, но в этот момент мой локоть задевает что-то на соседней полке. Раздается звон. Тихий, но в этой тишине — оглушительный. На пол падает небольшой предмет и катится к моим ногам.

Я замираю. Прислушиваюсь. Сторож в главном зале продолжает храпеть. Не проснулся.

Я наклоняюсь и поднимаю предмет. Это многогранник. Размером с куриное яйцо, сплетенный из черных и серебряных нитей, похожий то ли на астроблиу, то ли на застывшую молнию. Он тяжелый и ледяной. Холод проникает сквозь кожу, до самых костей.

И вдруг он пульсирует. Раз. Два. Три. В такт моему сердцу.

Серебряные нити на металле начинают светиться. Тусклый, голубоватый свет разливается по моей ладони, проникает под кожу, и я чувствую... голос. Не звук. Ощущение. Будто кто-то очень далекий и очень родной шепчет мне прямо в кровь: «Найдена. Наконец-то найдена».

У меня перехватывает дыхание. Я не могу пошевелиться. Не могу отвести взгляд от этого странного, светящегося предмета в моей руке. Он теплый. Живой. Он... отзывается на меня. Как эхо. Как отражение.

— Я так и знал, что от тебя будут одни неприятности.

Я взвизгиваю — тихо, сдавленно — и роняю многогранник. Он падает на пол, но не гаснет. Продолжает светиться, пульсировать, звать.

Из тени между стеллажами выходит Кайдэн.

На нем черная рубашка, расстегнутая на верхние пуговицы, волосы растрепаны, будто он только что проснулся. Или дрался. Или... делал что-то еще, от чего волосы могут растрепаться. В руке он сжимает тонкую книгу в кожаном переплете — явно тоже что-то искал в архиве.

— Кайден... — я прижимаю руку к груди, чувствуя, как бешено колотится сердце. — Ты... ты следишь за мной?

Он медленно подходит, его серебряные глаза прикованы к светящемуся на полу многограннику. Лицо его непроницаемо, но я вижу, как напряглась скула. Как сжались губы.

— Слежу за тобой? — его голос тягучий, насмешливый, но в нем нет прежней уверенности. В нем — что-то еще. Настороженность. — Не лсти себе, Ветрова. Я проверял периметр защиты. А вот ты, похоже, решила заняться воровством.

— Я ничего не крада! — я делаю шаг к многограннику, но Кайден опережает меня.

Он наклоняется и поднимает артефакт. — Архивные артефакты класса «А» запрещено трогать без разрешения Совета, — цедит он, разглядывая светящийся шар. — Особенно таким идиоткам, которые даже базовую левитацию не могут выучить.

— Это не твоя вещь! — я тянусь к нему. — Я его нашла. И он... он откликнулся на меня. Ты же видишь!

— Он откликнулся на магический фон, — отрезает Кайден, сжимая шар в ладони. — Ты — пустая. Рядом с тобой он просто фонит. Как любой магический предмет рядом с любым магом. Ничего особенного.

Но в ту же секунду многогранник в его руке вспыхивает ослепительно-красным светом. Кайден шипит от боли и разжимает пальцы. Артефакт падает на стол, обжигая дерево — слышно, как шипит лак, поднимается тонкая струйка дыма. Красное свечение сменяется тревожным, пульсирующим багрянцем.

Кайден смотрит на свою ладонь. На коже — красный след, будто от ожога. Он медленно поднимает на меня глаза, и в них теперь нет насмешки. Нет высокомерия. Только шок. И холодная, опасная ярость.

— Что ты такое? — тихо спрашивает он. Голос хриплый. — Что ты сделала?

— Я ничего не делала! — я хватаю многогранник.

В ту же секунду боль в его руке исчезает. Шар в моих ладонях снова становится голубым, теплым и уютным. Он ложится в мою руку идеально, будто был создан для нее. На его поверхности проступают тонкие руны — светящиеся, переливающиеся, живые. И одна из них...

Я замираю. Я знаю этот символ. Сломанный круг с восьмиконечной звездой внутри. Такой же значок стоял на обложке старого, потрёпанного дневника моего отца. Того самого, который он называл «научными заметками по квантовой физике». Того самого, который я нашла в его кабинете после... после всего.

— Это... — шепчу я, не в силах отвести взгляд. Голос дрожит. — Это знак моего отца.

Кайден делает шаг ко мне. Его лицо в шаге от моего. Его серебряные глаза горят в полумраке, как два фонаря.

— Твоего отца? — его голос звучит зло. — Твоего отца-человека, который сдох в своей железной коробке на шоссе? Лия, очнись. Это артефакт. Ему тысяча лет. Может, больше.

— Он не сдох! — кричу я, и слезы ярости подступают к глазам. — И он не был человеком! Не полностью!

Кайден хватается за запястье. Он смотрит на меня так, будто видит впервые. Так, будто я — не «немагическая паразитка», не «пустое место», а что-то совсем другое. Непонятное. Пугающее.

— Ты несешь чушь, — рычит он. — Ты — немаг. Пустышка. Я сам проверял. Твой резонанс — ноль. Абсолютный ноль.

— А тогда почему это горит только для меня?! — я вырываю руку, прижимая артефакт к груди. — Почему ты чувствуешь то же, что и я, Кайден? Почему ты испугался?

Он замирает. Его взгляд падает на мой плащ, под которым скрыт артефакт, потом снова на мои глаза. Долго смотрит. Слишком долго. В его серебряных глазах идет война — между высокомерным принцем Академии, который должен сдать меня ректору, и чем-то еще. Темным. Собственническим. Непонятным.

— Ты не понимаешь, во что вляпалась, — тихо, почти с ужасом говорит он. — Если Совет узнает, что у тебя это... они тебя убьют. Или сломают тебе разум, чтобы забрать его. Или хуже. Намного хуже.

— Тогда помоги мне, — выдыхаю я, неожиданно для самой себя. — Раз ты такой великий и всезнающий. Помоги мне понять, что это.

Кайден смотрит на меня еще секунду. Две. Три. А потом — усмехается. Горько. Зло.

— Помочь тебе? — он качает головой. — Ты даже не представляешь, чего ты просишь, Ветрова.

Он разворачивается и делает шаг к выходу. Но на полпути останавливается, не оборачиваясь.

— Езжай домой, зайди в свою комнату, Лия, — тихо говорит он. — Запри дверь. Никуда не выходи. И молись всем своим человеческим богам, чтобы завтра утром я не передумал и не сдал тебя Инквизиции Академии.

— Кайден... — я делаю шаг к нему. — Подожди.

— Не зови меня, — он оборачивается, и в его глазах — лед. — Не смей звать меня по имени. Ты мне не сестра. Ты мне никто. Запомни это.

И уходит. По темному коридору, между стеллажами, в тень. Его шаги звучат ровно, уверенно, но я вижу, как напряжены его плечи. Как он сжимает кулаки.

Я остаюсь одна. С горящим у сердца осколком прошлого, который только что перевернул мой мир.

Выхожу из академии, шатаясь, будто только что сошла с поля боя. Ноги ватные, в голове — туман, а у груди — горячий, пульсирующий шар, который я прижимаю к себе под плащом так, словно боюсь, что он улетит.

Ночь уже глубокая. Фонари у ворот горят тускло, их магический свет дрожит в холодном воздухе. Я спускаюсь по ступеням, и каждый шаг отдаётся гулким эхом в висках. Мне кажется, что я оставила в архиве половину себя — и вернулась с чем-то чужим, тяжёлым, не принадлежащим мне. Или, наоборот, с тем, что всегда было моим, но о чём я не знала.

Я уже готова пуститься в долгий путь пешком — через весь этот проклятый город, по тёмным улицам, мимо квартала Теней, о котором предупреждал Кайден, — когда слышу знакомый запах табака с корицей.

Тот самый извозчик.

Старик с седой бородой и усталыми глазами сидит на своём парящем экипаже прямо у ворот академии, словно ждал меня. Трубка в его зубах давно погасла, но он даже не думает её зажигать. Просто смотрит на меня — и в его взгляде нет ни удивления, ни осуждения. Только тихое, спокойное облегчение.

— Девушка, — говорит он, и его голос звучит хрипло, будто он долго молчал. — Я ждал. Я замираю на нижней ступени. Смотрю на него, не веря своим глазам.

— Вы... вы меня ждали?

— А то как же, — он пожимает плечами, и его плащ сдвигается, открывая заплатку на плече. — Обещал отвезти. Значит, надо дожидаться. Не бросать же вас тут.

Я сглатываю. Ком подкатывает к горлу — не от страха, а от чего-то другого. От этой простой, человеческой заботы, которой мне так не хватало весь сегодняшний день.

— У меня... — я начинаю, и голос предательски дрожит. — У меня больше нет денег вам платить. Я отдала всё, что было. Пять серебряных.

Старик усмехается. Усмешка мягкая, морщинистая, как его лицо.

— Знаю, — говорит он. — Видел, как вы считали монеты. Все, до последней.

Я опускаю глаза. Мне стыдно. Стыдно за то, что я влезла в эту авантюру. Стыдно за то, что не подумала о последствиях. Стыдно за то, что теперь стою перед ним в ночной сорочке под тонким плащом, с растрепанными волосами и горящими щеками.

— Садитесь, — говорит старик. — Отвезу вас бесплатно.

Я вскидываю голову.

— Но...

— Но только туда, где посадил, — перебивает он меня, и в его голосе появляются твёрдые нотки. — В особняк де'Варго. В город не повезу. Только домой.

Я молчу, пытаюсь понять.

— Понимаете, — он вздыхает, и его плечи опускаются, — если я вас оставлю тут, я не смогу спать. Всю ночь буду думать: а вдруг с ней что-то случилось? А вдруг она заблудилась? А вдруг её обидели? Я старый, девушка. У меня жена померла десять лет назад. Дочка одна осталась, далеко. Я за всех молодых теперь переживаю. Так что садитесь, не спорьте. Мне спокойнее будет.

У меня щиплет в носу. Я кусаю губу, чтобы не расплакаться. Не сейчас. Не здесь.

— Спасибо, — выдыхаю я. — Спасибо вам огромное.

— Не за что, — ворчит он, по доброму. — Садитесь уже, пока я не передумал.

Я забираюсь в повозку. Она качается под моим весом, парит в воздухе всё так же плавно, как и раньше. Старик щёлкает чем-то невидимым, и мы трогаемся.

Я сижу, прижавшись к спинке, и смотрю, как мелькают за окном тёмные улицы. Фонари, тени, редкие прохожие — все они кажутся сейчас нереальными, словно я смотрю на мир через толстое стекло. У груди — артефакт. Он пульсирует в такт моему сердцу, тёплый, живой, шепчущий что-то на незнакомом языке.

Я не плачу. Но внутри меня что-то размягчается. Трещина в броне, которую я так старательно выстраивала весь день.

Старик везёт меня молча. И это молчание — самое доброе, что случилось со мной за весь день.

Особняк де'Варго вырастает из темноты, как чёрный корабль на фоне ночного неба. Окна тёмные, только в одном — на втором этаже, в крыле Кайдена — горит тусклый свет.

Я сжимаю плащ плотнее.

— Спасибо, — говорю я старику, когда повозка опускается на землю у входа. — Я... я не знаю, как вас отблагодарить.

— Живите, — отвечает он просто. — И не бегайте по ночам в сорочке. В следующий раз.

Я киваю, выскакиваю из повозки. Ботинки скользят по холодной брусчатке. Повозка трогается с места, и я стою, глядя ей вслед, пока она не растворится в темноте.

Потом поворачиваюсь к дому.

И тут понимаю: окно моей комнаты высоко и я не смогу туда забраться. Скрыгнуть получилось, а забраться обратно никак не выйдет. и снова я ругаю себя, что совершенно ни о чем не думала, когда практически сбегала из дома.

Отлично. Просто отлично. Я добралась домой, а попасть внутрь не могу.

Обхожу дом по кругу, ищу другой путь. Служебный вход — в глубине сада, за живой изгородью. Я пробираюсь сквозь кусты, ветки цепляются за плащ, за волосы. Колючие листья царапают щиколотки.

Дверь не заперта.

Я замираю перед ней, прислушиваюсь. Внутри — тишина. Глубокая, тяжёлая тишина, которая давит на уши.

Я толкаю дверь. Она открывается с тихим скрипом.

Я проскальзываю внутрь. Чтоб не греметь снимаю ботинки и прижимаю их к груди, словно самое ценное, что у меня есть.

Кухня пуста. Коридор тоже. Только тусклые магические светильники горят вдоль стен, отбрасывая длинные, дрожащие тени. Пахнет воском, травами и чем-то ещё — чем-то чужим. Чужим присутствием.

Я останавливаюсь. Сердце начинает биться быстрее.

Мне кажется, что я в доме не одна.

Это не звук. Не шорох. Не шаг. Это ощущение. Как будто кто-то смотрит на меня из темноты. Как будто чей-то взгляд скользит по моей спине, по волосам, по дрожащим плечам.

Я замираю. Не дышу. Прислушиваюсь.

Тишина.

Но тишина — неправильная. Натянута. Как струна перед тем, как лопнуть.

Мне становится страшно. По-настоящему страшно. Не так, как в карете с Кайденом. Не так, как в столовой под взглядом Амелии. А так, как в детстве, когда я просыпалась ночью и мне казалось, что в углу комнаты кто-то стоит.

Я делаю шаг. Потом ещё один. И вдруг — срываюсь с места.

Бегу.

Босые ноги шлёпают по холодному паркету. Плащ развевается за спиной. Я не оглядываюсь. Не дышу. Только бегу, вверх по лестнице, по коридору, к своей комнате.

Влетаю внутрь, захлопываю дверь, задвигаю засов. Потом хватаю комод — тяжёлый, дубовый, с мамиными кружевами на верхней крышке — и изо всех сил придвигаю его к двери.

Дерево скрипит, скребёт по полу. Я пыхчу, упираюсь плечом, толкаю. Комод встаёт на место с глухим стуком.

Теперь — дверь. Я прижимаюсь к ней спиной, слушаю.

Тишина.

Никто не идёт. Никто не стучит. Никто не зовёт.

Я сползаю по двери на пол. Сажу, обхватив колени руками, и пытаюсь отдышаться. Сердце колотится где-то в горле. В ушах — гул.

Что это было? Паранойя? Усталость? Или в доме действительно кто-то есть?

Я не знаю. И не хочу знать.

Медленно, с трудом, я поднимаюсь. Скидываю плащ — он падает на пол, как мёртвая птица. Под ним — ночная сорочка, тонкая, почти прозрачная в лунном свете. Я зябко ёжусь, обхватываю себя руками.

И прижимаю к груди артефакт.

Многогранник тёплый. Живой. Он пульсирует в моих ладонях, в такт моему сердцу, и его голубое свечение пробивается сквозь пальцы, ложится на кожу мягким, успокаивающим светом.

«Ты дома. Ты в безопасности. Пока».

Я не знаю, это мои мысли или его. Но мне становится чуть легче.

Я подхожу к кровати, откидываю одеяло, забираюсь под него, не раздеваясь. Сорочка холодная, простыни — тоже. Я сворачиваюсь калачиком, прижимаю артефакт к груди, под подбородок.

Он шепчет мне что-то. Тихо, ласково, на незнакомом языке. Я не понимаю слов, но чувствую смысл: «Спи. Я здесь. Я с тобой».

Я думаю, что не смогу уснуть. Что буду лежать так до утра, с открытыми глазами, прислушиваясь к каждому шороху, к каждому скрипу дома. Что буду бояться.

Но глаза слипаются. Дыхание становится ровным. Сердце замедляется.

И я засыпаю.

В последний раз, прежде чем провалиться в сон, я думаю о старике-извозчике. О том, как он ждал меня у ворот. О том, как сказал: «Мне спокойнее будет».

И о том, что мне — тоже.

Пусть только на эту ночь.

Глава 4.

Я просыпаюсь от того, что мне холодно.

Не просто холодно — я промерзаю до костей, словно лежу на снегу. Я открываю глаза и вижу утренний свет, пробивающийся сквозь щели в бархатных шторах. Моя комната. Моя кровать. Я жива.

Я сажусь, и из-под сорочки выкатывается многогранник. Он больше не светится. Теперь он выглядит как обычный кусок матового черного металла, тяжелый и холодный, как лед с мостовой.

Я хватаю его, прижимаю к груди и оглядываюсь.

Комод все так же придвинут к двери. Окно закрыто. Но что-то не так. Воздух в комнате кажется... неправильным. Тяжелым.

Я сползаю с кровати, босыми ногами ступая на холодный паркет, и подхожу к двери.

На медном ключевом замке изнутри намерз иней.

Не обычный, белый и пушистый. Черный. Маслянистый. Он тянется тонкими, похожими на когти узорами по дереву, и от него веет таким запахом озона и гнилой листвы, что меня начинает тошнить.

В доме кто-то был. Или “что-то”. Оно стояло за этой дверью. Оно слушало, как я сплю. И если бы не комод и не эта проклятая штуковина в моих руках, которая, кажется, создала вокруг меня невидимый купол...

Я вздрагиваю и прячу многогранник в старую деревянную шкатулку, со своими детскими секретиками. У шкатулки есть двойное дно — я обнаружила это в десять лет, когда пыталась спрятать от мамы свой дневник. Я заворачиваю артефакт в шелковый платок, укладываю на дно, закрываю крышку и задвигаю шкатулку в самый дальний угол шкафа, за стопку старых свитеров.

— Так, Лия, — шепчу я себе, глядя в зеркало. Под глазами тени, волосы стоят дыбом, на щеке — размазанный уголь от каминной трубы. — Ты вляпалась. Ты вляпалась так, что даже твои немагические предки не оценят.

Спустя час я спускаюсь в столовую.

Я надела самое закрытое платье, какое нашла, просто хотелось закрыться. Я иду по коридору, стараясь дышать ровно. Каждый шорох кажется мне шагами Инквизиции.

В столовой уже накрыт завтрак. Мама сияет. Лорд де'Варго читает газету, страницы которой сами переливаются, показывая движущиеся картинки.

А напротив, у окна, сидит Кайден.

На нем безупречная черная мантия ассистента. Волосы уложены. Лицо — маска аристократического безразличия. Но мой взгляд мгновенно цепляется за его правую руку.

На его ладони, поверх тонкой белой перчатки, виден контур. Он забинтован.

У меня внутри все сжимается. Виновато, тошно и... странно тепло. Я виновата перед ним. Перед тем, кто вчера хотел меня вышвырнуть.

— Доброе утро, дорогая! — мама машет мне рукой. — Ты выглядишь... усталой. Тебе снялись кошмары?

— Немного, — я стараюсь, чтобы голос не дрогнул, и занимаю место.

Кайден медленно поднимает голову. Его серебряные глаза встречаются с моими. В них нет насмешки. Только тяжелый, давящий взгляд, от которого у меня мурашки бегут по спине. Он знает, что я знаю. Он знает, что я видела иней на двери.

— Кошмары — это хорошо, — тихо говорит Кайден. Его голос бархатистый, но в нем звенит сталь. — Значит, ты проснулась. Хуже, когда кошмары приходят в дом наяву.

Мама удивленно моргает, но лорд де'Варго опускает газету и кивает:

— Кайден прав, Лия. В городе сейчас неспокойно. Границы миров после Схождения все еще нестабильны. Кстати, — он поворачивается ко мне, — у меня для тебя новость. Сегодня в академию прибывает делегация из Совета. Инквизиция будет проводить проверку всех первокурсников из немагических миров. Рутинная, так сказать. Проверка на скрытые мутации и темные артефакты.

Моя чашка с чаем предательски звякает о блюдец.

— Инквизиция? — мой голос звучит пискляво.

— Не волнуйся, милая, — мама кладет руку мне на плечо. — Это формальность. Они просто проверят твой магический фон. У тебя же его нет, верно? Так что тебе нечего бояться.

Я судорожно сглатываю. “Проверят магический фон.” Если они просканируют меня и обнаружат, что внутри меня спит “нечто”, связанное с артефактом моего отца... Кайден говорил, что меня сломают. Или убьют.

Я поднимаю глаза на Кайдена. Он не смотрит на меня. Он режет ножом свое яйцо, и движения его точны, как у хищника, разделяющего добычу.

— Кайден, — говорю я, и все за столом замолкают. — Ты же проводишь меня в академию?

Он медленно поднимает взгляд. Уголок его губ дергается.

— Разумеется, сестричка, — произносит он с ядом. — Я бы не хотел, чтобы с тобой что-то случилось по дороге. Особенно сегодня.

Карета Кайдена пахнет кожей и его парфюмом — сандалом и дымом.

Я сижу, вжавшись в угол, и судорожно думаю. Инквизиция. Проверка. Артефакт в шкапулке. Черный иней на двери.

Кайден сидит напротив. Он молчит, глядя в окно, но я чувствую его напряжение. Воздух между нами искрит.

— Твоя рука, — внезапно говорю я.

Он не поворачивается.

— Что с ней?

— Тебе больно.

Кайден медленно переводит на меня взгляд. В его глазах пляшут черные искры.

— Ты хочешь извиниться, Ветрова? — тихо спрашивает он. — Хочешь сказать, что тебе жаль, что ты чуть не сожгла мне руку своим... сувениром?

— Я не просила его сжигать, — огрызаюсь я, чувствуя, как закипает злость. — И я не просила тебя хватать его! Если бы ты не был таким самовлюбленным придурком, ты бы просто спросил, что это!

— Спросил? — он усмехается, но в усмешке нет веселья. — Лия, ты носила в своей ночной рубашке артефакт, который входит в список «Запрещенное наследие Раскола». Если бы Инквизиторы почувствовали его хоть на секунду, они бы не спрашивали. Они бы отрезали тебе руку вместе с ним.

У меня перехватывает дыхание. “Раскол.” Тот же символ. Разорванный круг.

— Что такое Раскол? — шепчу я.

Кайден смотрит на меня долго. Потом он вздыхает, тянется к внутреннему карману мантии и достает что-то маленькое и тяжелое.

— Дай руку, — приказывает он.

— Зачем?

— Дай. Руку.

Я колеблюсь, но протягиваю запястье. Он берет мою руку — осторожно, так, будто я сделана из стекла. Его забинтованные пальцы холодные. Он защелкивает на моем запястье тонкий серебряный браслет с черным, матовым камнем. Камень пульсирует, и вдруг я чувствую, как

что-то внутри меня — тот самый невидимый узел, который я ощущала с самого прибытия в академию — затихает. Будто меня накрыли тяжелым, глухим одеялом.

— Что это? — я удивленно смотрю на браслет.

— Глушилка, — коротко бросает Кайдэн. — Он маскирует магический фон. Для Инквизиции ты будешь звучать как обычный, абсолютно пустой человек. Как камень. Как кусок дерева.

— А... спасибо, — растерянно выдыхаю я.

— Не благодари, — он резко отворачивается к окну. — Если они найдут его у тебя, они найдут и меня. Я просто спасаю свою репутацию.

Он врет. Я вижу, как напряжена его челюсть. Он не хочет, чтобы меня забрали. И это знание пугает меня больше, чем черная Инквизиция.

Мы замолчали и так и не проронив ни слова доехали до Академии.

Здание главного корпуса гудит, как растревоженный улей.

По коридорам маршируют люди в серых мантиях с серебряными значками-весами на плечах. Инквизиторы. Их лица одинаково суровы, а глаза — пусты. Студентов выстраивают в шеренги и по одному заводят в аудитории.

— Лия!

Я вздрагиваю и оборачиваюсь. Ко мне бежит Рина. Ее лицо бледнее обычного.

— Ты слышала? Инквизиция! Говорят, они ищут кого-то конкретного. Кого-то, кто украл артефакт из архива прошлой ночью!

Мое сердце пропускает удар.

— Откуда ты знаешь?

— Весь ФРА на ушах, — шепчет Рина, ее пальцы впиваются в мою руку так сильно, что оставляют синяки. — Они говорят, что пропал артефакт из закрытого архива. И что Инквизиция считает, будто это сделал кто-то с аномально низким, но специфическим резонансом.

Она кивает в сторону главного холла. Там, у подножия мраморной лестницы, сбилась куча студентов в темно-серых мантиях. Мои сокурсники. ФРАшники. Обычно они выглядят расслабленными, немного сонными и увлеченными своими трактатами. Сейчас они похожи на загнанных зверьков.

Я слышу их шушуканье. Оно перекатывается по холлу эхом, сливаясь в гул, похожий на шуршание сухих листьев или жужжание разъяренного улья.

«...слышал, они уже троих старшекурсников допросили с пристрастием...»

«...говорят, жезл Инквизиции светится красным, если находишь следы Раскола...»

«...а если это кто-то с нашего курса? Вдруг это Тео? Он вечно копается в старых свитках...»

Шепот становится громче, нервнее. Кто-то из первокурсников тихо всхлипывает. Атмосфера настолько густая от страха, что ее можно резать ножом.

— Прекратите панику! — раздается громкий, властный голос.

Толпа ФРАшников вздрагивает и разом смыкает рты. К нам пробивается Итан. Он выглядит собранным, но я вижу, как нервно дергается желвак на его скуле. Он окидывает толпу жестким взглядом, заставляя всех отвести глаза, а затем переводит его на меня.

— Лия, — говорит он тихо, но в этой тишине его голос звучит очень громко. — Тебя ищут. Инквизиторы спрашивали, есть ли в списках первокурсников Ветрова. Они хотят провести проверку. Прямо сейчас.

Мир вокруг меня начинает вращаться. Гул голосов превращается в звон в ушах.

— Меня? — мой голос звучит чужим, писклявым и слабым. — Но я же... я просто пришла в архив посмотреть карты...

— Им все равно, зачем ты туда пошла, — мрачно перебивает Итан. — Идем. Не заставляй их ждать. Чем дольше ты тянешь, тем подозрительнее это выглядит.

Я киваю, хотя не чувствую своего тела. Мы выходим из ниши. Рина идет рядом, поддерживая меня под локоть, но ее поддержка не помогает. Я иду за Итаном по бесконечным коридорам главного корпуса, и дрожу как осиновый лист. Каждый шаг отдается гулким эхом. Каждый встречный студент или инквизитор кажется мне палачом. Браслет-глушилка на запястье обжигает кожу, словно раскаленное железо, напоминая о том, что я сижу на пороховой бочке.

Итан останавливается перед тяжелой дубовой дверью, обитой железом.

— Здесь, — выдыхает он. — Удачи, Лия.

Дверь бесшумно открывается, и я переступаю порог.

Помещение для проверки разительно отличается от уютного, живого ФРА. Здесь холодно и стерильно. Стены выложены из белого, полированного до блеска камня, который отражает свет магических ламп, висящих под потолком. В центре комнаты стоит высокое кресло с подлокотниками, увенчанными серебряными весами.

За массивным столом сидят трое. Инквизиторы. Их серые мантии безупречно чисты, а на плечах сверкают те самые значки-весы. Лица у них одинаково бесстрастные, глаза — пустые и холодные, как зимнее небо.

— Лия Ветрова, — произносит центральный, мужчина с резкими чертами лица и шрамом, пересекающим левую бровь. — Прошу, садитесь.

Я подхожу к креслу и опускаюсь на него. Обивка ледяная.

— Вы напуганы, дитя, — говорит женщина-инквизитор, сидящая справа. Ее голос мягкий, почти материнский, но от этой мягкости мне становится не по себе. — Умоляю, не бойся. Мы не кусаемся. Это всего лишь формальность. Стандартная процедура проверки магического фона для всех, кто находился вблизи архива прошлой ночью.

— Просто положите руки на подлокотники, — добавляет третий, молчавший до сих пор. — Жезл считает ваш резонанс, зафиксирует его, и вы будете свободны. Вам абсолютно нечего бояться, если ваша совесть чиста, а магия... в порядке.

Я сглатываю комок в горле и медленно, дрожащими пальцами кладу ладони на холодные серебряные подлокотники. Браслет Кайдена на запястье начинает слабо вибрировать, глуша мое внутреннее биение, делая меня «пустой».

Центральный инквизитор достает из-под стола жезл. Кость, белая и гладкая. Он встает и медленно направляется ко мне.

— Итак, начинаем, — говорит он, поднимая жезл.

И в этот момент тяжелые дубовые двери комнаты распахиваются с таким грохотом, что каменные стены, кажется, вздрагивают.

— Процедура отменяется.

Я резко вскидываю голову.

На пороге стоит Кайден.

Он выглядит не как аристократ-ассистент. Он выглядит как разъяренный дракон, которому кто-то посмел угрожать его сокровищем. Черная мантия развевается, хотя в комнате нет ветра. Серебряные глаза горят таким неестественным, слепящим светом, что на них больно смотреть. Воздух вокруг него буквально дрожит от жара и скрытой, рвущейся наружу силы. Пахнет озоном и паленым.

— Ассистент де'Варго, — голос центрального инквизитора становится жестким, как кнут. — Вы нарушаете протокол. Проверка ФРА — закрытое мероприятие. Покиньте помещение.

— Я имею право присутствовать при проверке, — рычит Кайден, делая шаг внутрь. Двери за его спиной с глухим стуком захлопываются сами собой, отрезая ему пути к отступлению.

— Вы не имеете никакого права! — женщина-инквизитор вскакивает со стула. — Это вмешательство в работу Совета! Согласно древним пактам, при допросе и проверке студентки

может присутствовать только ее законный опекун, муж или, по крайней мере, официально зарегистрированный жених! А у вас, де'Варго, нет ни того, ни другого, ни третьего!

Кайден останавливается в трех шагах от моего кресла. Он смотрит на инквизиторов сверху вниз, и на его губах играет холодная, хищная усмешка.

— Согласно пактам Древних Домов, — его голос звучит тихо, но так, что звенит в ушах, — истинный дракон имеет абсолютное право защиты над своей избранницей.

Он поворачивает голову и смотрит на меня. В его взгляде читается предупреждение: “молчи”.

— Я ее жених, — произносит он, и каждое слово падает на каменный пол, как тяжелая гиря.

Мой мозг полностью отключается.

“Жених?”

Какого черта?! Мы вчера только в карете дрались! Он назвал меня паразиткой! Он...

Но Кайден не заканчивает. Он снова переводит взгляд на побледневших инквизиторов, и его глаза на долю секунды вспыхивают вертикальными, змеиными зрачками.

— И я ее истинный, — добавляет он.

Тишина в комнате становится такой плотной, что кажется, будто она сейчас лопнет. Инквизиторы замирают. Жезл в руке мужчины медленно, предательски опускается.

А я сижу в кресле, вжавшись в спинку, и чувствую, как земля окончательно уходит из-под ног.

“Истинный?”

— Истинный? — центральный инквизитор медленно опускает жезл, но не убирает его. Его глаза прищуриваются, становясь еще холоднее. — Де'Варго, вы понимаете, что заявляете? Истинная связь — это не просто слова. Это не то, что можно объявить посреди допроса, чтобы спасти шкуру... — он кивает в мою сторону, — этой девочки.

— Я понимаю каждое слово, — Кайден не отводит взгляда. Его голос ровный, но в нем звенит такая сила, что у меня по спине бегут мурашки. — И я не привык повторять.

— Тогда докажите, — женщина-инквизитор делает шаг вперед. Ее материнский тон исчез, уступив место стали. — Покажите метку истинности. Если вы действительно связаны с ней узами истинного дракона, на вашем теле должен появиться знак. Метка, которую невозможно подделать.

Я замираю.

“Метка?”

Какая еще метка? Я оборачиваюсь на Кайдена, и вижу, как его челюсть напрягается. Он смотрит на инквизиторов с такой яростью, что мне становится страшно. Но он не спорит. Не отказывается.

Медленно, так медленно, что каждый его движение кажется взвешенным, он расстегивает верхние пуговицы черной рубашки. Отворачивает воротник, обнажая шею, ключицы, верхнюю часть груди.

И я вижу.

На его коже, прямо над сердцем, проступает рисунок. Он появляется не сразу — словно проступает из глубины, из-под кожи. Тонкие, переплетенные линии, складывающиеся в узор. Это не татуировка. Это... живое. Линии пульсируют, светятся тусклым серебряным светом, и в центре узора — дракон, свернувшийся в кольцо. Но не просто дракон. В его когтях зажата маленькая фигура. Человеческая фигура.

Моя.

Я чувствую, как воздух выходит из легких. Это не просто метка. Это... печать. Собственная. Древняя. И она горит на его коже, отвечая на мой взгляд, будто он знает, что я смотрю.

— Метка истинного, — шепчет женщина-инквизитор. Ее голос дрожит. — Я не видела такой... двадцать лет.

Инквизиторы переглядываются. В их взглядах — шок, недоверие, но и что-то еще. Уважение? Страх?

— Хорошо, — центральный инквизитор медленно выдыхает. — Допустим, это правда. Допустим, она — ваша истинная. Но это не отменяет протокол. Проверка должна быть завершена.

— Вы шутите? — Кайден делает шаг вперед, и его глаза вспыхивают. — Вы хотите проверить ее жезлом? После того, как я показал метку? Вы же понимаете, что результат будет неверным!

— Объяснитесь, — женщина-инквизитор сужает глаза.

— Истинная связь, — Кайден говорит медленно, будто объясняет ребенку. — Она меняет магический фон избранницы. Дракон делится с ней частью своей силы. Часть моей магии теперь течет в ней. Если вы просканируете ее жезлом сейчас, он покажет не "ноль". Он покажет резонанс. Мой резонанс. И вы решите, что она скрывает темную магию. Что она связана с Расколом.

Он замолкает, и в тишине я слышу только свое бешено колотящееся сердце.

“Часть его магии течет во мне?”

“Я... связана с ним?”

Инквизиторы молчат. Они смотрят на метку на его груди, потом на меня, потом снова на метку.

— Да, — наконец произносит центральный инквизитор. — Мы помним. Истинная связь действительно искажает показания. — Он убирает жезл обратно под стол. — Проверка завершена. Лия Ветрова, вы свободны.

Я не верю своим ушам.

“Свободна?”

Просто так? После всего?

Я медленно поднимаюсь с кресла. Ноги ватные, колени дрожат. Я не знаю, что делать. Что говорить. Я просто стою и смотрю на Кайдена, который уже застегнул рубашку, скрыв метку, но я знаю, что она там. Она горит на его коже.

— Идем, — он протягивает мне руку.

Я смотрю на его ладонь. На забинтованные пальцы. На серебряное кольцо. На руку, которая вчера сжимала мой затылок, целуя меня до крови. Которая сегодня защелкнула на моем запястье браслет-глушилку. Которая сейчас... просто ждет.

Я колеблюсь. Секунду. Две.

Потом кладу свою ладонь в его.

Его пальцы смыкаются вокруг моих. Крепко. Надежно. И я чувствую, как что-то внутри меня — тот самый невидимый узел, который я ощущала с самого прибытия в академию — отзывается. Слабо. Едва заметно. Но отзывается.

Мы выходим из комнаты.

Коридор за дверью гудит от голосов. Студенты, инквизиторы, преподаватели — все повернули головы в нашу сторону. Я чувствую на себе десятки взглядов. Сотни. Они смотрят на меня. На Кайдена. На наши сцепленные руки.

Шепот начинается сразу.

«...смотри, это та самая Ветрова...»

«...де'Варго держит ее за руку...»

«...они что, вместе?..»

«...не может быть... она же немаг...»

Я чувствую, как щеки пылают огнем. Мне хочется провалиться сквозь пол. Спрятаться. Сбежать.

Но Кайден не отпускает мою руку. Он идет рядом, прямой, гордый, с таким выражением лица, будто ему плевать на шепот. Будто он выше всего этого. Но я чувствую, как его пальцы сжимают мою ладонь сильнее. Чуть-чуть. Так, что только я замечаю.

Мы проходим через холл. Сквозь толпу студентов, которые расступаются перед нами, как морские волны. Я иду, опустив голову, считая шаги. Один. Два. Три. Браслет на запястье пульсирует в такт моему сердцу.

— Кайден, — шепчу я, когда мы наконец выходим на крыльцо академии, подальше от любопытных глаз. — Что это было? Что ты наделал?

Он останавливается. Поворачивается ко мне. Его серебряные глаза смотрят на меня — и в них нет насмешки. Нет высокомерия. Только что-то темное. Собственническое. Непонятное.

— Я спас тебе жизнь, Ветрова, — тихо говорит он. — Не благодари.

— Но... метка... истинная... — мой голос дрожит. — Это правда?

Он смотрит на меня долго. Слишком долго. Потом усмехается — горько, зло.

— А ты хотела бы, чтобы это было правдой? — спрашивает он.

Я открываю рот, чтобы ответить. Но слова застревают в горле. Потому что я не знаю ответа. Потому что часть меня — та самая, глупая, предательская часть — хочет, чтобы это было правдой.

И это пугает меня больше, чем Инквизиция. Больше, чем артефакт. Больше, чем черная Инквизиция.

Кайден усмехается, видя мое молчание. Он разжимает пальцы, и моя рука остается висеть в воздухе, пустой и холодной.

— Идем, — бросает он через плечо. — Карета ждет. И если ты думаешь, что теперь мы... — он делает паузу, и в его голосе звенит сталь, — ...что теперь все изменилось, то ты ошибаешься. Я спас тебя от Инквизиции. Но это не значит, что я простил тебе, что ты...

Он разворачивается и идет вниз по ступеням, к черной карете с гербом де'Варго.

Я стою на крыльце, чувствуя, как холодный ветер бьет в лицо. Моя рука все еще помнит тепло его пальцев. Мое сердце все еще колотится где-то в горле.

И я не знаю, что меня пугает больше — то, что он назвал меня своей истинной. Или то, что часть меня хочет, чтобы это было правдой.

Глава 5.

Карета трогается с места, и я снова оказываюсь заперта в этом маленьком, пахнувшей кожей и сандалом коробке — наедине с ним. С Кайденом. С мужчиной, который только что назвал меня своей истинной перед всем миром. С мужчиной, чья метка, как он утверждает, горит у него на груди прямо над сердцем.

Я сижу, вжавшись в угол, и смотрю в окно. За стеклом мелькают улицы города — каменные дома с витражами, маги в мантиях, парящие над тротуарами фонари. Но я ничего не вижу. В моей голове — только его голос. Только его глаза. Только ощущение его пальцев на моей ладони.

— Кайден, — наконец решаюсь я начать разговор. — Почему мы едем домой? А... уроки?

Он сидит напротив, откинувшись на спинку сиденья. Его лицо — снова маск

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.